

18+

Е. А. Кашина

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Книга вторая. Великий Восток

Е. А. Кашина

**Свет во тьме. Книга
вторая. Великий Восток**

«Издательские решения»

Кашина Е. А.

Свет во тьме. Книга вторая. Великий Восток / Е. А. Кашина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961700-2

По полуразрушенным древним горным выработкам трудный переход через границу двух миров. Жизнь главной героини в совершенно незнакомом ей мире. И там жизнь её полна житейских сложностей и горя, но отзывчивое доброжелательное отношение окружающих людей делает её счастливой.

ISBN 978-5-44-961700-2

© Кашина Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Глава пятая	29
Глава шестая	39
Глава седьмая	44
Глава восьмая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

СВЕТ ВО ТЬМЕ
Книга вторая. Великий Восток
Е. А. Кашина

*«И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его»
/ Евангелие от Иоанна 1:5 /*

© Е. А. Кашина, 2019

ISBN 978-5-4496-1700-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-0225-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

По стенам подземного хода сочилась вода. В застоялом воздухе дышалось трудно. Шли молча, слышалось только шарканье ног да, иногда, хныканье детей. Местами проход был настолько узким, что приходилось продвигаться по одному, и тогда нападал первобытный страх: казалось, стены сомкнутся и раздавят. Представление о времени утратилось, одним казалось, что еще полдень, другие считали, что уже наступила ночь, но, по тому, как устали, понимали, что преодолели длинный путь. Наконец дошли до выхода в ущелье. В конец колонны последовала команда остановиться.

Диакон осторожно выбрался на поверхность, негромко свистнул и тотчас услышал ответный свист. Оставленный дозорный доложил, что в ущелье тихо и спокойно.

Люди выходили на поверхность, усаживались на камни, чувствуя облегчение, полной грудью вдыхали чистый, напитанный прелью воздух, и, озираясь, пугливо вслушивались в дремотную осеннюю тишину. По низкому осеннему небу тянулись серые тучи. Быстро темнело.

Ущелье со всех сторон обступали пологие, поросшие смешанным лесом и кустарником невысокие горы. В одной из них находились две соединённые между собой пещеры: одна небольшая с высоким сводом, другая – огромная, низкая, бесформенная, с выступами и местами почти до верха заваленная горами камней. В её дальнем конце, образуя большую лужу, стекала по стене и просачивалась в щели каменного пола вода. Вход в пещеры был замаскирован каменными глыбами, а время дополнительно спрятало его: вокруг всё густо поросло деревьями и кустарником.

В сгущающихся сумерках дошли до пещер. Раздвигая кусты, через узкую расщелину по одному протиснулись в первую пещеру. Диакон включил фонарь, положил его на из сухостоя грубо сколоченный стол возле входа. Окружив большой толпой, все ждали, что он скажет.

– Ну, кажется, дошли... У кого котелок, что дал батюшка? Детям дозорные сварят кашу. Если есть ложки, миски – оставьте здесь. Пойдёмте устраиваться.

Дозорный уже зажёл над столом лучину и разводил костерок. Взяв со стола пучок дозорными заранее наструганных лучин, диакон направился в проход, соединяющий пещеры. Во второй пещере фонарём осветил в противоположные стороны:

– Там будут спать мужчины, а там – женщины. Зажгите лучины и размещайтесь.

Зажгли лучины, закрепили их в расщелинах стен и стали располагаться на ночлег: одни развязывали узлы и расстилали одеяла, другие – снимали с себя и стелили куртки.

Несмотря на усталость, Кате не спалось. Облегчения от того, что они далеко ушли от карателей она не чувствовала, тревожила мысль: что будет с ними, что их ждёт? Рядом, также без сна, лежали женщины: слышались кашель, вздохи. Когда в ущелье стало светло, в пещеру через невидимые снаружи щели стал проникать тусклый свет. В полумраке вырисовались каменные глыбы и кучи щебёнки. За ними таилась темнота.

Диакон разбил людей на бригады, назначил бригадиров, организовал очерёдность дежурства у выхода из пещер, запретив всем, кроме дежурных, выходить из них. И, как оказалось, поступил предусмотрительно: вскоре над ущельем, снизившись, пролетел аэролёт-разведчик.

Утром следующего дня диакон подозвал Катю и приказал следовать за ним. В лесной тишине, стараясь не шуршать листвой, ковром лежащей на земле, они около часа молча пробирались среди деревьев, кустарников и камней. Диакон уверенно вёл её к небольшой каменной нише в горе, случайно обнаруженной им, когда он, ещё в пору своей юности, жил здесь в затворе. Тогда, однажды, его, возвращавшегося с тайного огорода в пещеру, где он обитал,

в этом месте застала сильная гроза с ветром и ливнем. Поспешно подыскивая место, где бы укрыться, он, среди кустов на склоне горы, обнаружил каменное углубление и забрался в него. Там оказалось просторно, он улёгся и незаметно для себя уснул. Гремел гром, сверкали молнии, с каменного навеса над нишей на дно ущелья потоками стекала вода, а он крепко и мирно спал. Проснулся среди ночи, прислушался, выглянул из укрытия. Гроза прошла, но идти в темноте по сырой траве не захотелось, в нише же было сухо и тепло. Достал из кармана фонарь, осветил возле себя: лежал на набившейся сюда сухой листве и перьях птиц – остатках еды хищников. Свет спугнул мышь. Прошелестев по листьям, она юркнула в щель. Направил свет вверх и на гладкой каменной поверхности увидел большой – во весь потолок, непонятный рисунок, нанесённый красной краской. Забыв о сне, рассматривал линии рисунка и написанные слова. После этого, он иногда забирался сюда, чтобы передохнуть на пути с огорода, и всякий раз подолгу рассматривал рисунок на потолке, остро сожалея, что не умеет читать.

Наконец добрались до места, свернули к горе, невысоко поднялись на пологий склон, поросший кустарником и высохшим колючим бурьяном.

– Дошли, – указал диакон на низкую щель среди нагромождения камней и, опустившись на колени, неловко протиснулся в неё.

Отодвинулся вглубь, позвал:

– Лезь сюда, дочка.

Катя на четвереньках забралась в нишу, внутри оказавшуюся низкой, но глубокой, и уселась рядом с ним на сухие листья. Диакон направил свет на потолок:

– Что здесь нарисовано?

Она долго рассматривала. Сгорбившись под нависающим потолком, он терпеливо ждал. Наконец неуверенно произнесла:

– Похоже на карту какого-то маршрута...

Подняла сухую ветку, обломала и, указывая, стала объяснять:

– Вот ущелье, где мы находимся, вот наши пещеры. Из дальнего конца большой пещеры наклонно спускается ход... Если идти в направлении, указанном стрелкой, есть отводы, в которые не следует заворачивать. Видите: перечёркнутые стрелки. Вот здесь выход на поверхность, а дальше опять спуск под землю.

– А куда ведёт путь?

Она посмотрела в конец чертежа.

– Не знаю... Пойдите! Вот в углу нарисована магнитная стрелка. Направление вначале на северо-восток, а в конце – крутой поворот на восток... – и, потрясенно глядя на диакона, прошептала, – не за Урал ли?!...

– Ещё раз внимательно посмотри и прочитай всё, что написано, – скрывая волнение, хрипло произнёс диакон. – А долгий ли путь?

– Вот масштаб..., нужна линейка..., я сейчас прикину. Приблизительно... Больше тридцати километров..., – упавшим голосом проговорила через некоторое время.

Весь обратный путь диакон о чём-то напряжённо думал. Только и произнёс – в начале пути:

– Запоминай дорогу...

Да в конце его:

– Никому про карту не рассказывай.

– Даже Ивану?

– И Ивану.

Взваливший на себя руководство этими людьми диакон, не находя ни днём, ни ночью покоя, искал выход из сложившегося положения. Угнетало чувство безысходности, загнанности, мучили мысли: сколько смогут они продержаться в пещерах, что будет с ними всеми, если их обнаружат? Своей горячей надеждой, что на карте нанесён маршрут ухода за Урал, Катя,

невольно, подтолкнула его к решению проверить этот маршрут. В тягостных раздумьях ночами сидя за столом, он обдумывал, как выполнить это. В глубине души он надеялся, что маршрут, действительно, ведёт за Урал. Но если это не так, убеждал он себя, то хотя бы появится возможность увести людей подальше от этих мест.

Перед наступлением рассвета диакон разбудил Катю:

– Вставай, дочка, дело есть...

Открыв глаза, Катя увидела склонившегося над ней дьякона с горящей лучиной в поднятой руке.

Уселись за столом.

– Надо перерисовать карту. Сможешь?

– А на чём? Нет ни бумаги, ни карандаша..., – ещё не до конца проснувшись, подавила зевок.

– Вот на этих досках, – пододвинул к ней лежащие на столе две гладко обструганные небольшие дощечки. Ночью он выбрал их из кучи найденных в пещере полуистлевших досок, приготовленных на лучины, и, зная, что всё равно не сможет уснуть, до утра обстругивал их.

– Рисовать будешь ножом, а потом вырезанные бороздки натрем угольками и будет ясно видно. Сумеешь точно перерисовать, чтобы было так понятно, как ты мне объясняла?

– Сумею.

– Вот и славно. Особо отметь место, где в пещере искать начало хода.

Оделась. В консервную банку диакон налил ей кипятка, подал сухарь и лежащий на столе пакетик:

– Вот тебе еда на весь день... Возвращайся, только когда наступит темнота. Отправляйся с Богом.

Когда быстро дошагала до места и забралась в нишу, совсем развиднелось. Испугав мышей, подгрела под себя сухие листья, прислонилась спиной к каменной стене, примостилась удобней, включила фонарик, направила свет в потолок и взяла в руки одну из досок. Разглядывая её, тщательно обструганную, подумала, что диакон, похоже, совсем не ложился спать.

Первую копию она испортила; перевернула доску и снова начала переносить рисунок чертежа. Вместо надписей придумала обозначения: «тупик» – две чёрточки, «выход на поверхность» – стрелка вверх и т. п. Устали спина и шея. Сделала одну копию, перекусила и улеглась на листьях. На одной стороне второй доски нанесла чертеж с надписями, а на другой её стороне крупно изобразила пещеру со всеми её выступами и поворотами и постаралась точнее указать место, где должен находиться вход в тайный ход. Подождала, когда наступят сумерки, и пустилась в обратный путь.

Дозорный возле входа на её вопрос:

– Где начальник?

Ответил:

– На службе. За женской половиной теперь у нас церковь. Тебе велено идти туда.

И, навалившись на камень у входа, попросил:

– Подсоби. Мужики обнаружили, что вход закрывается.

Вдвоём закрыли вход, и Катя с лучиной, зажжённой от горящей над столом, направилась во вторую пещеру.

За отведенным женщинам местом – куч листьев, с расстеленными на них одеялами и куртками, находился каменный выступ. Завернув за него, она увидела сидящих на камнях людей, освещённых горящими лучинами. Угол пещеры освободили от камней, из обструганных стволов деревьев смастерили большой крест, на стену повесили икону. Когда Катя подошла, служба уже закончилась, а все – мужчины, женщины и дети, усевшись вокруг сидящего на камне дьякона, слушали проповедь:

Диакон говорил:

– К женщине мужчина должен относиться с полным уважением, не греховно, как к равной. Сказано: «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём».

– Баба, она и есть баба. Как ещё на неё смотреть. – Пренебрежительно махнул рукой разбитной малый из общежития, известный своими любовными похождениями. – Она и сделана-то из мужского ребра.

– Действительно, сказано, что Адама Бог создал из праха земного, а Еву из его ребра. А почему?

– А почему? – прищурился малый.

– Что сложнее: прах земной или кость человеческая? Знать, из праха земного женщину было не создать – не тот материал. Вот и подумай!

– Да... – покрутил головой парень.

– Женщина ведь мать. У всех нас была мать. А вы ругаетесь по матерному... Оскорбляете сразу трёх матерей: мать-родительницу, Родину-мать, Мать Божью Заступницу. А она слышит всё и огорчается...

– Неужто, слышит?

– А то нет! – сердито повернулся к парню степенный мужик из семейных.

– Или вот ещё что, – увидев подошедшую Катю, и, улыбнувшись ей, продолжил диакон. – Что это вы друг друга по кличкам зовёте, а не по именам, данным при крещении? Как вот вас называют, – спросил сидящую рядом и внимательно слушающую, статную и красивую женщину.

– Звёздочка.

– А по-настоящему?

– Анастасия.

– Анастасия, Настя. Или: что это за прозвище – Копейка? – все посмотрели на стоящую возле каменной кручи Катю. – Да Кате цены нет – столько она для нас делает... Клички надо забыть, звать друг друга по именам, – заключил твёрдо.

Потом напомнил, что без его разрешения запрещает выходить из пещер, а вход в них постоянно держать закрытым; возле входа днём и ночью будет дежурство. Напоследок предупредил:

– Если, не дай Бог, кто-то будет схвачен, нужно говорить, что в ущелье попал случайно, когда убегал, куда глаза глядят.

Потом диакон отправил несколько мужчин в темноте набрать в лесу листьев, да так, чтобы было незаметно, не оставляя на земле голых мест, и засыпать ими уже слегка утопанные подходы к пещерам. Остальным велел отдыхать: женщины весь день расчищали место под церковь, мужчины в мокром месте пещеры сооружали подобие бассейна с проточной водой, где можно будет помыться.

Каждую дощечку диакон натёр сажей из костра, старательно протёр их тряпочкой, и рисунки стали чёткими. Удовлетворенный, вернулся к сидящей на лавке Кате.

– Точно перерисовала?

Кивнула, взяла из его рук дощечку и стала подробно объяснять, как слова на чертеже заменила условными обозначениями. Он перевернул доску, ещё раз протёр рукавом и принялся рассматривать рисунок пещеры. Потом приказал:

– Позови Ивана.

Весь день он приглядывался к мужчинам и решал, кого отправить на разведку маршрута.

Пришли Иван и Катя, уселись на лавку напротив него.

– Нога у тебя поджила?

– Плясать пока не могу, а бегать – хоть сейчас, – сидя, Иван шутиливо топнул искалеченной ногой.

– Дальний путь пройти сможешь? – сурово глянул на него, развеселившегося не ко времени.

– Если нужно – смогу, – посерьёзnel и Иван.

– Вот карта маршрута. Нужно узнать, куда он ведёт. Идти далеко и почти всё время под землёй. Пройти будет трудно, но другого выхода у нас нет. Пойдёшь командиром. Давай подберём тебе в отряд несколько человек.

Подумав, Иван предложил Негра и младшего грузчика, как людей знакомых с жизнью в подземельях. Начальник лагеря назвал ещё двух степенных мужчин из семейных.

– Завтра с утра займись обучением их обращению с оружием. Оружие дадим каждому... Нам, в случае беды, оно все равно не поможет... А ты, Катя, сделай копии чертежей для каждого в отряде. Дощечки надо будет взять поменьше этих, – хлопнул ладонью по лежащим на столе доскам с нанесенным чертежом. Прямо с утра займись. Иван обстругает.

С замиранием сердца слушавшая их разговор, Катя вдруг испугалась: не допустила ли в копиях какую-нибудь неточность и предложила:

– Лучше я на месте еще раз рисую...

– Тогда вы сейчас займитесь дощечками. А тебя, дочка, завтра я опять подниму чуть свет.

Пещера была огромной. Похоже, это была часть горной выработки, отрезанная обвалившимся сводом и в этой её части щелей в потолке не было. Горящие сухие палки света давали мало, а несколько небольших фонариков с солнечными батарейками, с которыми пришли рабочие, требовали перезарядки. У них были ещё два мощных фонаря с энергобатареями, взятые в церкви, однако, диакон берёт их на непредвиденный случай. В полутьме они никак не могли сориентироваться среди выступов и каменных завалов и найти место начала тайного хода.

К усталому и утомлённому безрезультатностью поисков, работавшему вместе со всеми диакону, освещая путь лучиной, прибежал дежуривший у выхода из пещер, и доложил, что только что низко над ущельем пролетел аэролёт.

– Выход закрыли?

Встревоженный диакон заспешил в первую пещеру. Там его уже поджидали испуганные женщины, слышавшие гул мотора. Диакон приказал прекратить работы и соблюдать тишину. Чутко прислушиваясь, лагерь притих. Спустя некоторое время один за другим ещё дважды пророкотали аэролёты.

Стемнело. Приоткрыли вход и поджидали Катю. Наступила ночь, а она всё не приходила.

– Опять летят... – прошептал дозорный, наваливаясь на камень, закрывающий вход.

Уже не один час Иван не отходил от закрытого входа и пытался уловить снаружи хоть какие-то звуки. Наконец диакон решился, подошёл к нему:

– Иван, приоткрой...

Иван и дозорный немного отодвинули камень. Дохнуло ночной прохладой, стало слышно, как в ущелье по опавшим листьям шелестит дождь.

– Разрешите пойти ей навстречу, – больше не в силах ждать, попросил Иван.

– Иди... Но, учти: проход закрыт... Если попадёте, дорогу сюда забудьте.

– Ясно.

Ещё не рассвело, а Катя уже сидела в нише и трудилась. Перенесла схему на дощечки. Устала сидеть согнувшись, и, выключив фонарь, улеглась на краю выхода из ниши. День стоял тихий, пасмурный; над горами нависали серые осенние тучи, явственно пахло прелью и грибами. Внезапно в тишине почудился шум двигателя. Тревожно прислушалась. Шум быстро нарастал. Поспешно отодвинулась к стене в полого спускающееся углубление и испуганно замерла. Почти задевая верхушки деревьев, низко пролетел маленький аэролёт-разведчик. На мгновение промелькнула его тень и оглушил рёв мотора. В страхе вдавилась телом в камень и, боясь пошевелиться, лежала, напряжённо вслушиваясь в тишину ущелья. Потом опять низко пролетел аэролёт и почти следом за ним – второй. От мысли, что лагерь обнаружили, всех

уже арестовали, увезли, а она осталась одна, сковал ужас. Отчаяние, страх, мысли – что же делать: она то решала выбраться и идти к лагерю – пусть и её схватят, то рождалась надежда, что лагерь не обнаружили. Тогда возникало опасение, что, когда она будет возвращаться, её заметят и, проследив за ней, схватят всех. Измучившись от переживаний, она свернулась калачиком в глубине ниши и незаметно уснула. Возможно, это и спасло их, потому что в начале ночи над ущельем на малой скорости пролетел аэролёт-разведчик, оснащённый приборами ночного видения, проводивший аэросъёмку окрестных ущелий и гор, и её, возвращающуюся, непременно заметили бы.

Дрожа от холода, проснулась, высунула наружу голову и долго не решалась выбраться из своего укрытия. Наконец спрятала за пазуху дощечки с нанесённой схемой, собралась с духом и под морозящим дождём пошла, продираясь сквозь кусты, в темноте натываясь на камни.

По всем приметам здесь должен был находиться вход в пещеры. Ощупывая камни, она уже давно искала его, отходила и снова возвращалась к этому месту, уверенная, что, если лагерь не обнаружен, то Иван не спит, ждёт её. Подняла камень, хотела было стучать, но мысль, что, если каратели установили в ущелье пост, то явятся на стук, заставила осторожно положить камень на землю. Усталая и измученная, не зная, что делать, села на мокрый большой камень, и, подняв глаза к небу, с которого сыпал дождь, с мольбой повторяла про себя: «Иисусе Христе, Иисусе Христе, Иисусе Христе...» Рядом хрустнула ветка, показалось, что кто-то крадётся. Как мышь, замерла в смертельном страхе.

Иван в темноте налетел на камень, на котором она сидела. Схватил её и, не издав ни звука, быстро потащил за собой. Протиснулись во входную щель, которую дозорный ещё не успел закрыть. Привалили камень. Зажгли лучину. При её свете Катя стояла у входа, обхватив себя за плечи, и тряслась от холода и пережитого.

Диакон торопливо стал разводять костерок и кипятить воду. Иван усадил её на камень рядом с костром. Принес одеяло и укутал её.

– Слава тебе, Господи, пришла, – суетился диакон, снимая с огня котелок. Налил в жестяную банку горячую воду и подал вместе с сухарём.

Вспомнила, что не ела весь день, а пакетик с едой забыла в пещере.

Дожди прекратились, дни наступили солнечные, и диакон распорядился собрать все батарейки из фонариков и в укромном месте разместить их на подзарядку. А когда они зарядились, наконец, нашли узкий проход, заваленный камнями. Несколько дней были заняты его расчисткой.

Отряд разведчиков экипировали всем миром: каждому подобрали крепкую обувь и одежду; из всего, что можно было использовать, сплели веревки и сшили всем по котомке.

Поздней ночью, когда все спали, диакон провожал отряд. Дойдя до входа в подземелье, остановились. Освещая фонарём, диакон осмотрел их: у каждого за поясом – оружие, на груди – фонарики, а у Ивана ещё и мощный фонарь, за спинами – котомки с едой и водой в пластиковых бутылках и сухие дощечки для лучин.

– Карту никто не забыл?

Благословил каждого иконой, дождался, когда в узкий проход протиснулся Негр, идущий замыкающим, и крестным знаменем осенил сам ход.

Освещая путь фонариком, и осторожно ступая по камням ногами, обутыми в рваные башмаки – свои, крепкие, он отдал Негру – понёс икону на место, во вновь обустроенную церковь. Пройдя небольшое расстояние, заметил навстречу ему плывущий в темноте огонёк. Подошёл мужчина из семейных:

– Ушли?

– Ушли.... Чтобы людей не будоражить, ушли ночью. У них там теперь долго всё время будет ночь....

– Что же вы никого не подняли? Неправильно, что один ходите в темноте. Не дай Господь, что случится – что будем делать без вас? Не подумали? – попенял.

– Я привык к подземельям, – бодро возразил, а в груди его от добрых слов потеплело.

Диакон вырос в заводе. Его родители были людьми верующими и ещё малюткой в первый раз привели его в церковь. Лики святых на иконах, ангельское пение, просветлённые лица молящихся, атмосфера доброты и участия так подействовали на ребёнка, что, когда стали расходиться, малыш закапризничал, заплакал, не захотел уходить. Батюшка, тогда ещё совсем молодой, попросил родителей оставить его пожить с ним в церкви. Те согласились. Малыш бегал по церкви, резвился и старался помогать батюшке: подносил свечи, неумело подметал пол. Иногда батюшка находил его затихшим, подолгу в восторге широко распахнутыми глазами всматривающимся в лики на иконах.

Когда ему исполнилось восемь лет, погиб отец. Его затащило в транспортёр и завалило рудой. Через год тяжело заболела мать. Её списали с завода, и они вернулись в деревню, из которой были выходцами. Жили на жалкое пособие да, чем могли, помогали родственники.

В деревню они вернулись поздней осенью. Всю зиму мать ждала весну. Лежала в стылой избе под кучей тряпья и мечтала увидеть зелёный луг, распустившиеся деревья, цветущие яблони. Мальчик никогда не видел этого и жадно слушал её рассказы. Слабым голосом, задыхаясь, мать рассказывала, как в детстве было весело ходить в лес и купаться в речке, как они с женихом – его будущим отцом, сидели под берёзой и считали звёзды. Мальчик стал нетерпеливо ждать наступления весны. Но ещё долго трещали морозы, а солнце золотило сугробы возле избы. На улицу он почти не выходил – не было одежды. Потом к середине дня снег стал подтаивать, капало с крыш, а за ночь всё покрывалось ледяной коркой. Наконец солнце стало пригревать так, что змейками побежали ручьи, речка вздулась, поверх льда покрылась водой, а воздух стал свежим, острым. В душе мальчика нарастало ожидание чего-то непонятного, но, непременно, хорошего, радостного. Наконец, пришла пора пробуждения природы. Стало тепло, и мать целыми днями лежала во дворе на широкой лавке под деревом. Когда солнце светило ей в лицо и сын старался затенить его чем-нибудь, она делала знак – «не надо» и едва заметно улыбалась. Она умерла днём, незаметно. Он сорвал первые полевые цветы, поймал бабочку и прибежал к ней, чтобы показать, порадовать, как делал всё это время, но она уже не дышала. Когда мать по деревне несли на кладбище, воздух благоухал запахом цветущей сирени.

Он остался сиротой. Староста деревни сказал: что с ним делать, куда определить, когда приедет, будет решать управляющий слэйвун-хауса, а пока пусть живёт в своей избе, и кормится, как это принято, поочерёдно в каждом доме. Но через две недели с котомкой за плечами он ночью ушёл к батюшке в тайную церковь. Батюшка обрадовался ему, приласкал, принял, хотя и сам питался скудно.

Дни его проходили среди святых ликов и запаха ладана. Он молился целыми днями, и со временем всю службу стал знать наизусть. Глядя на него, батюшка удивлялся, радовался и любил его всей душой.

В шестнадцать лет он попросил благословения уйти в затвор в горы. Вот тогда батюшка и раскрыл ему тайну Дальних пещер, рассказал, как найти их, сказал, что теперь он делается хранителем этой тайны. Пещеры и ходы к ним были открыты более ста лет назад во время Русского бунта, долго бушевавшего в здешних местах, и подавленного большой кровью. В этих пещерах люди находили убежище от расправы, из них уходили на поиски путей за Каменный хребет к своим, русским, счастливо живущим в Сибири. Тайна пещер хранилась в церквах, только несколько священнослужителей знали об их существовании и могли указать к ним дорогу. Три года прожил он отшельником, проводя время в непрестанной молитве, питаясь лишь грибами, лесными ягодами и тем, что уродилось на огороде, который он тайно возделывал. Но однажды к нему неожиданно явился батюшка и рассказал о Посланнике, читающем

Заветную книгу. Он заволновался, стал быстро собираться в путь. Батюшка глядел на него и радовался: он возмужал, окреп, от него веяло силой и спокойствием, глаза его светились умом.

Он много беседовал с Посланником, единственный выучил наизусть весь Новый Завет. Когда Посланник умер, он захотел вернуться в затвор, но батюшка часто хворал и потому не благословил на это, повелел служить в церкви и быть готовым принять иерейский сан.

Посланник учил: «вера без дел мертва», и за Божию правду нужно активно бороться: Господь помогает делающим, а не пассивно уповающим на Его помощь. По душевному складу и по убеждениям Диакон был борец, христов воин, а по уму и воле был способен руководить людьми. Видя растерянность людей, он вынужденно взял руководство на себя – больше некому, а взвалив тяжёлую ответственность, просто и естественно подчинил разрозненную толпу своей воле и авторитету, превращая её в организованный, дисциплинированный отряд.

* * *

* * *

* * *

Глава вторая

Через узкий проход отряд попал в круто спускающуюся штольню, а спустившись по ней, вышел в широкое пространство штрека. Пробираясь между целиками и каменными осыпями, натолкнулись на остатки рельсовой узкоколейки и уверенно пошагали, не боясь сбиться с направления. Утомившись, уселись отдыхать. Экономя их заряд, погасили фонари. Отдыхали недолго, но за это время потеряли направление движения и после отдыха пошли в обратную сторону, а поняли это, только когда вернулись к началу рельсового пути. Обескураженные, посоветовались и приняли решение в дальнейшем передвигаться, не теряя из вида правый бок горной выработки, в котором, согласно карте, должен находиться выход на поверхность.^{1 2 3}

Слабый свет фонарей из чёрноты подземелья выхватывал только небольшие пространства возле ног. Периодически луч фонаря направляли то на бок выработки, то на ее потолок. Обнаружив в боку проем входа в забой или на потолке выход вентиляционного шурфа, останавливались и сверялись с картой, и совпадения с картой придавало им уверенности. Представление о времени утратилось, отсчёт его они стали вести по количеству привалов, которые устраивали, когда, выбившись из сил, валились спать. Гасили фонари, и темнота тотчас смыкалась вокруг них, обступала, делалась кромешной, а тишина, ощутимая до звона в ушах, – настороженной, подкарауливающей; но, провалившись в сон, они не испытывали страха.^{4 5}

Из-за того, что при скудном освещении много времени уходило, чтобы обойти завалы и подолгу брести по воде, понять какое пройдено расстояние было трудно. Когда показалось, что пройден уже большой путь, они стали идти, не теряя из вида бок выработки. Но в одном месте из-за большого завала из каменных глыб и щебёнки, перекрывшего ход почти до верха, им пришлось отойти от него. Обойдя, опять пошли, придерживаясь бока выработки, но осталось беспокойство: не пропустили ли за завалом проход в нужную штольню. Потом шли по хорошо сохранившемуся участку штрека среди подпирающих его кровлю столбообразных и ленточных целиков, оставленных в породе, и вышли к широкому проходу в штольню. Прошли широкую и длинную – в несколько километров штольню, подошли к взорванному выходу. Стали думать, как выбраться на поверхность. Заметили, что воздух рядом с завалом холодней, чем в штреке и штольне. Зажгли лучину и, ползая с ней по каменной круче, по колебанию пламени нашли место, откуда поступает холодный воздух. Долго растаскивали камни и, наконец, наверху кручи проделали дыру. Поочерёдно полежали, высунувшись из нее. На поверхности было холодно и пасмурно и не понять: утро или вечер. Кроме близко подступающих кустов и деревьев и серого неба ничего нельзя было разглядеть, но настроение было приподнятое: пройдена большая часть пути, карта маршрута оказалась верной, есть надежда пройти и остальную его часть. Дневной свет, вид неба и кустов приносили радость. Человек рождён под широким небом и не вмещается его душа под землёй...

Начало смеркаться. Посидев на каменной круче возле дыры, ночь решили провести в штольне.

Всю ночь шёл затяжной мелкий дождь, к утру он прекратился, но небо оставалось затянутым низкими серыми тучами, сквозь которые светилось тусклое жёлтое пятно солнца. Голые

¹ Штольня – горизонтальная или наклонная подземная горная выработка с непосредственным выходом на земную поверхность; предназначается для обслуживания подземных горных работ.

² Штрек – горизонтальная подземная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность.

³ Целики (ленточные и столбообразные) – участки при разработке месторождений, оставляемые нетронутыми для естественного поддержания крыши горной выработки.

⁴ Забой – поверхность, ограничивающая горную выработку и перемещающаяся в результате горных работ.

⁵ Шурф – вертикальная или наклонная подземная горная выработка, пройденная с земной поверхности для разведки, вентиляции, взрывных работ или других целей.

деревья, кусты, камни, опавшие листья на земле – всё было мокрым; после тепла подземелья остро ощущался холод. Ориентируясь по солнцу, в направлении с запада на восток они пересекали поросшую мелколесьем широкую долину, у горизонта окружённую сопками. Согласно карте, следовало дойти до гор, повернуть на север и на краю начинающегося там ущелья в одной из гор, в месте, на карте обозначенном изображением дерева, найти вход в ещё одну систему горных выработок. Когда Катя объясняла им карту маршрута, то, указав на нарисованное ею дерево, пояснила, что на тайном рисунке в этом месте написано – «сосна» и рядом стрелка вниз, а что это означает – она не знает.

Заросшие кустарником и чахлыми деревьями полуразрушенные фундаменты зданий, остатки дорог и рельсовых путей, указывали на то, что когда-то в долине находился мощный горно-обогатительный комплекс.

Несколько часов шли не останавливаясь. Когда пересекли долину и дошли до невысоких гор, короткий осенний день уже заканчивался, и нужно было искать сухое место для ночлега. У подножья горы среди нагромождения каменных глыб заметили нависающий карниз и забрались под него. Там было сухо.

– Горяченького бы попить... Давайте разведём костёр.

– Неплохо бы, – согласился Иван. – Только надо найти место незаметней.

– Эй! Здесь провал! – послышался крик Негра из-за камней под карнизом.

Негр стоял за каменными глыбами и фонарём освещал провал и полого спускающуюся в его глубину каменную кручу.

– Вань, а не в этот ли ход надо нам идти? – спросил подошедшего Ивана.

– Не знаю... Карту надо смотреть.

Однако, на карте стрелка показывала на север, к смутно виднеющемуся у горизонта ущелью. Спустившись на каменную кручу в провале, из сухих веток, нанесённых под карниз ветром, развели костерок, а на большом камне, как на столе, разложили еду и поужинали, запивая кипятком. Спать улеглись тут же, за камнями у провала. Уже засыпая, младший грузчик задумчиво произнёс:

– Знать бы куда мы идём... Всё время навстречь солнцу... Уже и граница скоро... Не за Урал ли?

– Неплохо бы... Да только вряд ли... Не мечтай зазря, – ответили ему.

Среди ночи Ивану показалось, что пролетел аэролёт, но когда утром он сказал об этом, то оказалось, никто ничего не слышал.

По поросшему лесом неглубокому пологому ущелью шли, задирая головы и рассматривая деревья на вершинах гор. Среди них были высокие стройные ели, и берёзы, и сосны. Они останавливались и, рассмотрев очередную сосну, продолжали идти дальше.

– Вон она! – указывая рукой, наконец, радостно воскликнул зоркий младший грузчик, когда вышли к повороту ущелья.

На голой скале, выделяясь на фоне неба, стояла одинокая сосна.

Найти вход в подземелье оказалось непросто. В его поисках два дня они ползали под скалой по камням, а ночевать уходили в провал под карнизом. Эти два дня погода была солнечной, а на третий стала портиться и во второй половине его, когда они, заглядывая под каждый камень и сдвигая те, что были под силу, ползали по склону, пошёл сильный с ветром дождь. Пришлось спрятаться за торчащей из земли каменной глыбой. Дождь всё усиливался и, спустя какое-то время, Иван заметил, что возле них земля почти сухая, тогда как невдалеке по склону вода ручьями стекает на дно ущелья. Промелькнула смутная догадка, и он под дождём и ветром полез по склону выше того места, где они сидели. Вскоре на середине склона, точно под сосной, он обнаружил ручейки воды между камнями и щёлочкой просачивающиеся под землю. Когда дождь прекратился, стали разбирать завал и к началу ночи через проделанную дыру уже забрались в подземелье на полого спускающуюся каменную кручу.

Аэролёты больше не прилетали. Из-за наступивших заморозков уменьшилась опасность, что в ущелье сбросят насекомых биороботов-убийц. Люди немного осмелели. Каждый день диакон давал бригадам задания: мужчины обустроивали мокрую пещеру и складывали печи, а вечерами отправлялись на заготовку дров: отойдя от лагеря, собирали хворост и сухостой. Женщины натаскали вороха листьев и занимались сбором грибов и еловых шишек. В лесу грибов было много и, сберегая продукты, питались исключительно ими.

Надежда на возвращение отряда разведки угасала с каждым днём. Бессонными ночами диакон ломал голову: что делать, если отряд не вернётся? Боясь заболеваний, он для тех, кто выходит из пещер, приказал собрать общую дежурную тёплую одежду. Радовался, что есть лекарства, и с теплотой думал, что, в случае нужды, грамотная Катя сможет применить их так, как положено.

Детей трудно было удержать в пещерах, когда рядом стоял лес, хотя и облетевший, но живой, настоящий, с устилающими землю шуршащими золотыми листьями. Диакон поручил Кате устроить школу, обучать детей грамоте.

– На каком языке?

– На нашем...

Вооружившись древесными угольками, дети старательно выводили на дощечках буквы. Рядом присаживались некоторые взрослые. Не пропускала ни одного урока милая молоденькая Девушка с доверчивым взглядом лучистых глаз. Серые пещерные сумерки, серые камни, испачканные углём серые личики детей... В голове Кати, прохаживающейся за спинами учеников, склонившихся над дощечками, и поглядывающей, как у них получается, бродили тягостные мысли. Чтобы отогнать их, она вспоминала напутственную проповедь батюшки о грехе уныния и заставляла себя верить, что Иван жив, вернётся.

Неожиданно в сопровождении церковного чтеца пришли Бригадир с Хозяйкой и Аннушкой, а вместе с ними два мальчика и бригадирова сестра с мужем, у которых она гостила на Троицу. Теперь с Катей были близкие люди.

Бригадир рассказал, что завод работает, прежнего управляющего уволили, на завод привезли невольников, а распоряжаются там всем каратели.

В этом штреке ход был свободен от камней, но попадались кучи металлических обломков.

– Скреперы. Механизмы для подъёма руды, – рассмотрев, пояснил Негр.

Потом под ногами быстрым ручьём заструилась вода: на поверхности опять шёл дождь. Из наклонно спускающейся выработки вышли в устье горизонтального штрека. Между камнями на его подошве стояла вода. Местами было глубоко, по колено. Медленно брели по воде и через какое-то время заметили, что стало мелеть. Вскоре дошли до бокового отвода с уклоном, по которому вода стекала на нижний горизонт. Дошли до сухого места, вылили из обуви воду, выжали одежду. Как люди уже опытные, дальше шли придерживаясь того бока выработки, из которого должен находиться выход на поверхность, и наконец дошли до входа в наклонно поднимающуюся горную выработку. Достали карты, стали сверяться. Перед нужным отводом должен был находиться ещё один отвод, в который идти не следовало: на карте перечёркнутая стрелка. Пospорили нужный ли это отвод, ведь они долго шли по воде в отдалении от бока выработки и могли пройти мимо. Иван, в конце концов, решил:

– Придётся проверить, куда этот отвод ведёт.

Чем дальше они поднимались по отводу, тем ощутимее было движение воздуха, а это означало, что приближаются к открытому выходу на поверхность. Впереди показался тусклый свет. Они уселись на камни, чтобы отдохнуть и посоветоваться, что делать дальше, ведь кто знает, куда они пришли. Негр первым почувствовал какое-то шевеление, включил фонарь, осмотрел пространство вокруг них, а затем направил луч вверх. Над ними в толстом слое свисающей паутины на суставчатых мохнатых лапах копошились большие чёрные пауки. Поспешно

вскочили и отбежали от этого места. Держа наизготовку оружие, пошли медленно, крадучись. Когда впереди уже светился проём выхода, из-под ног, неожиданно, прошмыгнула и юркнула в вертикальную щель крыса. Остановились. Иван осторожно подошёл к щели. На ярко освещённом солнцем входе в выдолбленную в горе большую нишу увидел сидящего на камне клона. Его нетрудно было узнать по низкому росту, непомерно широким плечам, маленькой круглой головке, мускулистым коротким кривым ногам и бочкообразному туловищу. Несмотря на позднюю осень, на клоне были только шорты, а на их ремне висело оружие. Весело скалясь, клон по одному вытряхивал из мешка пауков и кормил ими крыс, снующих возле его ног. Крысы набрасывались на пауков и вмиг разрывали на части. Приникнув в темноте к щели, Иван наблюдал. Внезапно клон перестал забавляться с крысами, поднял голову и насторожился. Понимая, что медлить нельзя – у клонов обострённое чутьё, Иван прицелился и через щель полоснул лучом. Даже не вскрикнув, клон повалился, дымясь. Почуввав запах крови, полчище огромных крыс из-за камней устремилось под карниз. Возбуждённо копошащаяся их масса с писком набросилась на труп.

Откуда-то появился ещё один клон и, глядя на происходящее, растеряно застыл, но быстро исчез и вскоре появился вместе с человеком. Остолбнев, человек потрясённо наблюдал жуткое и мерзкое зрелище. Клон испугано приник головой к груди человека. Тот, успокаивая, гладил его по спине. Клоны не могли существовать без своих воспитателей: у них, искусственно созданных, не было души, и, кроме естественных потребностей организма, они не имели собственных желаний.

Вынув из кармана аппарат, человек прокричал в него:

– Докладывает восьмой. У нас взбесились крысы! Нужна помощь!

Выдернул из-за пояса лучевое оружие и его огнём стал полосовать по крысам, а те, бросившись врассыпную, карабкались по каменной стене, лезли друг на друга возле щелей, несколько прошмыгнули между ног Ивана и с писком скрылись в темноте. Клон захныкал: крысы были любимой забавой клонов.

– Уходим, – шепнул Иван.

В темноте торопливо зашагали назад. Без остановок спустились в штрек и без отдыха долго уходили по нему подальше от опасного места. На отдыхе Негр с младшим грузчиком рассказали о клонах, специально натренированных для охраны людей, ненавидящих всех, кроме своих отцов-воспитателей, которым преданы, как собаки, и о живущих в подземельях крысах и пауках, поедающих друг друга. Крыс охрана использует для устрашения и наказания каторжан: в отсек отряда, не выполнившего норму, ночью выпускают их из клеток.

По тому, что после выхода к пограничному посту маршрут по-прежнему лежал на восток, ими всё больше овладевала безумная, невероятная догадка, что идут они к своим, за Урал. Разговаривать об этом не отваживались, но каждый думал, что, вероятно, за каменной толщей над ними проходит многокилометровая пограничная полоса и ещё не известно, что может случиться на этом опасном участке.

На подходе к указанной на карте последней штольне, в штреке опять растекались, как озёра, огромные лужи, но, боясь не заметить проход в неё, отходить от бока выработки опасались и шли, то перебираясь с камня на камень, то вброд. Наконец дошли до широкого прохода и, от усталости механически переставляя ноги, по наклонному подъёму добрались до сухого места, а там повалились и некоторое время лежали, не в силах снять с себя обувь и одежду, чтобы обсушиться.

Когда после отдыха собрались идти дальше, степенный мужик из семейных сказал то, о чём, втайне от других, тревожился каждый:

– Мужики, давайте вместе помолимся, чтобы нам выбраться на поверхность.

...Штольня была свободна от камней, воздух был сух и неподвижен, и это тревожило. Шагали молча, не перебрасываясь, как обычно, словами. Наконец подошли к перекрывшей

проход стене, к кладке каменных плит. Столпившись, следили за скользящим по ней лучом мощного фонаря, заряд которого так берёт Иван.

– Не пройти... – махнул рукой степенный мужик.

По-мальчишески всхлипывая, заплакал младший грузчик.

– Не паниковать! – сурово прикрикнул Иван. – Выберемся. Надо думать.

– Что тут придумаешь...

– Пути назад нам нет. Отдохнём и будем думать, что делать, – приказал Иван. – Через завалы проходили и здесь пройдем, – голос его звучал уверенно, но от отчаяния заломило в висках.

Осмотр швов с помощью фонаря ничего не дал. Тогда зажгли лучину и, медленно передвигаясь с ней вдоль швов, по колебанию огонька стали искать неплотности. Но это тоже не дало результата; и тогда наметили место в стыке между плитами, в которое будут долбить.

Много времени отняли приготовления. Чтобы найти что-нибудь металлическое, пришлось возвращаться в штрек, и долго собирать там куски труб и металлические части какого-то полуистлевшего оборудования, а потом, нагрузившись ими, опять брести по воде и подниматься по наклонной штольне. Ржавые железки крошились, сгибались, камни, которыми их забивали, приходилось собирать по всей штольне. Наконец, в соединении между плитами пробили дыру; в неё хлынул холодный сырой воздух. Они стояли у дыры и пытались что-нибудь разглядеть за каменной кладкой. В надежде, что заметят, к трубе привязали рубаху и просунули в дыру.

Есть им было уже нечего, силы были на исходе.

На пульте наблюдения за пограничной полосой сработала звуковая сигнализация и на экране обзора, возле белого пятна на каменной кладке стены, замигал огонёк. «Наверное, ветром занесло лист бумаги» – подумал дежурный офицер, но всё же сообщил об этом командиру дежурного взвода.

Сержант с солдатом поднялись по пологому склону к кладке замурованного выхода и обнаружили торчащий из неё кусок ржавой трубы с привязанной к её концу грязной белой рубахой. Просунув в отверстие рядом с трубой переговорное устройство, стали прислушиваться к тому, что происходит за стеной.

В гулкой тишине штольни вдруг громко раздалось на русском языке:

– Кто вы такие? Отвечайте!

Сидевшие прислонясь к стене, они онемели.

– Кто вы? Отвечайте! – прогремело опять.

После замешательства вскочили, озираясь, не понимая, откуда спрашивают, закричали:

– Свои! Из-за Урала! Мы свои! Выручай! Свои мы, свои!

– Ждите, – прозвучало громко, когда они, накричавшись, умолкли.

Прошло около часа, показавшегося им вечностью, и опять громко было приказано:

– Отойдите подальше от кладки и возле стены ложитесь вниз лицом.

Минут через пятнадцать раздался хлопок, поднявший облачко пыли, и в нижней части кладки образовался проём.

– Выбросьте оружие, и, подняв руки, выходите по одному.

Измощённые, оборванные, заросшие бородами и грязные, подняв вверх в кровь сбитые руки, они выходили из неровного проёма к удивлённо рассматривающим их молодым бравым солдатам, один из которых уже увещался их оружием, двое других держали наизготовку небольшие лазерные пистолеты, а ещё один, укладывал в сумку подрывное устройство.

С неба сыпала осенняя морось, в рваной одежде и обуви сразу продрогли; но, не замечая этого, в окружении солдат шагали по склону к поджидающему на дороге электромобилю, и не могли прийти в себя от ликующего чувства счастья.

Привезли на заставу, накормили, отвели в баню, переодели в солдатское обмундирование и повели к начальнику заставы. Войдя за сопровождающим в просторный, по-деловому уютный кабинет, оробев, несмело подошли к столу. Сидящий с торца стола командир улыбнулся:

– Присаживайтесь.

Уселись, степенно сложив на столе руки.

– Русские?

– Русские, – закивали.

Командир расспросил, из каких они мест, как им удалось дойти, очень заинтересовался картой маршрута, а в заключении сказал:

– О вас уже доложено. Скоро приедут гражданские и займутся вашим устройством.

Тогда они все разом заговорили, что оставаться им здесь нельзя, нужно возвращаться. Их ждут. Почувствовав в Иване старшего, командир приказал ему:

– Докладывайте, почему вам нужно вернуться?

Иван коротко объяснил. Командир ненадолго задумался, а потом распорядился:

– Оставьте карты. Всем отдыхать. А вы, – обратился к Ивану – оставайтесь.

Командир вызвал адъютанта и что-то приказал ему. Иван сидел за столом, рассматривал кабинет и не мог поверить, что все происходящее не сон.

В кабинет вошёл уже немолодой бравый офицер. По тому как хозяин кабинета поспешно вышел из-за стола и, вытянувшись, отдал ему честь, Иван догадался, что это старший офицер – командир полка, как узнал он позже. Поднялся со стула и Иван. Командир полка, приветствуя, пожал ему руку:

– Поздравляю с прибытием, – и сел по другую сторону стола напротив Ивана.

– Доложите: откуда пришли, где взяли карту маршрута, как удалось дойти, почему нужно срочно вернуться.

Пытливо вглядываясь в лицо Ивана, командир внимательно слушал. Когда Иван кончил говорить, уточнил, сколько людей ждёт в пещерах, сколько среди них детей, женщин и мужчин, как все одеты, какие у них имеются продукты питания, есть ли оружие.

– Идите отдыхать и не беспокойтесь: поможем вам.

Иван встал и низко, в пояс, поклонился, как слэйвы кланялись управляющим слэйвун-хаусов, когда те приезжали в деревни.

– Отставить! – скомандовал командир полка и вышел из-за стола, подошёл к Ивану:

– Вы командир отряда?

Иван кивнул.

– Командир должен отвечать – есть! А не кланяться! – улыбнувшись, похлопал Ивана по плечу.

– Есть! – радостно вытянулся Иван.

– Толковый парень. Совсем неграмотный, а какая смётка! – одобрил, когда Иван, сопровождаемый адъютантом, вышел из кабинета.

– Я тут прикинул: более сорока километров они прошли под землёй, да плюс десять-пятнадцать по поверхности, – командир заставы поднял голову от самодельной карты.

– Это если по прямой?

– Да, если по прямой... не плутая.

Командиры, взяв по дощечке, принялись подробно изучать карту маршрута.

– Обратите внимание, как точно указан путь из одной системы горных выработок в другую. Составить такой маршрут невозможно, не имея на руках карт древних подземных выработок. Почему мы ничего не знаем об этом маршруте? Нужно запросить архив: когда выходили по нему люди.

– Может быть, где-то и карты древних выработок сохранились... Надо бы поискать их на месте пещер.

– Ну что ж, – деловито произнёс командир полка, – надо сообщить командующему и думать, как помочь людям пройти этот путь, дойти живыми.

Иван вошёл в отведённую им комнату. Все спали крепким тяжёлым сном. Младший грузчик и во сне плакал, бормотал что-то. «Совсем выбился из сил... Спасибо, в пути не сломался... Мальчишка ещё!», – подумал о нём Иван. Он лёг в мягкую чистую постель, в какой не спал никогда в своей жизни, и мгновенно провалился в сон. Когда выпалились, их отвели в медпункт. Несмело озираясь в стерильном кабинете, изумленно рассматривали блестящее никелированное оборудование и старались всё запомнить, чтобы потом рассказать своим. Здесь им было всё ново, непонятно, удивительно и, как детям, все хотелось рассмотреть и потрогать. Их быстро осмотрели, просветили, прослушали, и врач каждому назначил индивидуальный режим восстановления сил. Озабоченность вызвал младший грузчик – ему еще не было восемнадцати лет, и силы его были подорваны.

К ним пришел священник. Во все глаза они рассматривали старца – ухоженного, с седой окладистой бородой на красивом холёном лице, в дорогой сутане. Он им показался добрым барином из сказки. Их батюшка – старенький, измождённый, в поношенной штопаной рясе – такой простой и добрый, был ближе и родней. Священник спросил:

– Все ли крещены, – и глянул на Негра.

– Все. А как же..., – загомонили вразнобой, вытаскивая из-за пазух самодельные жестяные крестики.

– Ну, коли все крещены, все свои – православные, так и пойдёмте в церковь, помолимся все вместе.

Белая с золотым куполом, снаружи кажущаяся небольшой, а внутри оказавшаяся высокой и просторной, церковь ошеломила красотой позолоченного иконостаса, строгостью ликов на иконах, прекрасной росписью стен и купола, множеством горящих свечей. Младший грузчик, как вошёл, огляделся, так и ахнул:

– Град-Китеж!

Всю службу он простоял на коленях, утирая рукавом набегающие слёзы.

После службы солдаты не расходились, толпились в церковной ограде, поджидали, когда выйдут из церкви, пришедшие из-за Урала. Всех восхищало что, пройдя такой опасный, долгий и трудный путь под землёй, эти люди готовы снова пройти его. К командиру заставы один за другим приходили солдаты с просьбой послать добровольцем в помощь беженцам.

Когда в сопровождении священника они из церкви вышли на ступени паперти, солдаты, не сговариваясь, вытянулись и дружно взяли под козырёк. Вначале они растерялись, а потом Иван протянул руку стоящему рядом солдату, и все принялись крепко жать им руки. Солдаты сопровождали до самого корпуса, где их разместили, всем хотелось поговорить с ними, но подошёл командир:

– Товарищам надо отдыхать. Разойтись!

Командование приняло решение вывести из-за Уральского хребта большую группу беженцев и одновременно, ввиду его стратегического значения, изучить маршрут следования.

Ивана вызвали к командиру заставы. Кроме командира, в кабинете находился среднего роста стройный крепкий офицер, годами не старше самого Ивана. Командир представил:

– Иван, познакомьтесь с командиром разведчиков, которые пойдут с вами.

Цепко вглядываясь друг в друга, пожали руки, а потом долго обсуждали детали похода. Ивана удивляло, как разведчик быстро, на лету, всё схватывает и задаёт вопросы о мелочах, на которые он и не обратил внимание.

Возвращались Иван и двое мужчин из семейных. Улегшихся пораньше, их ночью разбудили. Экипировались в лёгкую, не стесняющую движений одежду с множеством карманчиков, заполненных необходимыми предметами. Иван обул специально для него сшитые ботинки. Водрузив на спины рюкзаки, попрыгали: проверили, не гремит ли что-нибудь. Каждому вру-

чили карту маршрута, нанесённую на специальную бумагу; объяснили, что в случае опасности, её нужно положить в рот, и она моментально растворится.

Пришёл священник, благословил уходящих. Разбудили Негра и младшего грузчика. Крепко обнялись.

– Возьмите и меня, – неуверенно попросил младший грузчик.

– Сынок, ты будешь мне помогать – таков приказ командира. И за них будешь молиться..., – ласково обратился к нему священник.

* * *

* * *

* * *

Глава третья

Спуск начали в составе отряда разведчиков, возглавляемого командиром. Когда по штольне спустились в штрек, там их уже поджидали солдаты этого отряда под командованием сержанта, спустившиеся заранее, чтобы подготовить проход по выработке.

...На трудных участках командир оставлял бойцов с заданием подготовить путь к предстоящему передвижению беженцев и составить карту со всеми шурфами, штольнями, бремсбергами, проходами и тупиковыми забоями. Остальные, разделив между собой часть поклажи остающихся, двигались дальше.⁶

Передвигаться в горных выработках по особенно опасным верхним горизонтам с их в сотни метров ямами-рудоспусками; пробираться по каменным завалам; протискиваться через узкие проходы; преодолевать вброд или вплавь подземные водоёмы; по остаткам кирпичной кладки подниматься или спускаться в крутых шурфах или в вертикальных шахтных стволах, для тренированных разведчиков было делом привычным. Этот маршрут оказался не из лёгких, и, вызывая уважение к спутникам, солдат удивляло, как они смогли пройти его почти без света, скудно питаясь, имея на руках лишь примитивную карту. Особенно по душе солдатам пришёлся Иван – сообразительный, терпеливый, молчаливый.⁷

К концу пути двигались уже небольшим отрядом, в котором из разведчиков остались только командир и солдат. Горбясь, каждый нёс по огромному рюкзаку.

Подшли к узкому проходу в пещеры, сложили в кучу рюкзаки. С собой взяли только оружие. Прошли через проход и, миновав тёмный участок пещеры и спящих мужчин, вошли в первую пещеру. Там, при слабом свете лучины, выхватывающем из темноты небольшое пространство над столом, положив голову на сложенные на столе руки, спал диакон. Подошли, тронув за плечо, разбудили.

– Наконец-то... Живые... – поднялся тот, крестясь и обнимая каждого.

Заметил их одежду и, проглотив ком в горле, потрясенно и радостно выдохнул:

– Значит, дошли?! – опять истово закрестился. – Слава Тебе, Заступница! – руки его тряслись.

По тому, как он поседел и осунулся, было понятно, сколько он пережил и передумал, дожидаясь их...

– Знакомьтесь, – горделиво указал Иван на разведчиков, стоящих поодаль, в темноте, и спокойно наблюдающих за их встречей. – Наши люди из-за Урала!

Иван и его товарищи ушли во вторую пещеру, к своим близким, а разведчики, включив мощный фонарь, уселись за стол. Напротив, не спуская с них счастливых глаз, сидел диакон, еще не до конца пришедший в себя от потрясения.

– Ну, что ж, не трать времени даром, займёмся делом? – улыбнулся ему командир.

– Услышал Господь наши молитвы! – широко перекрестился тот, а потом добавил: – чуток подождём с делами. Пойдёмте к людям..., то-то им будет радость – увидеть вас, господа.

– Товарищи, – поправил разведчик.

– Товарищи..., – задумчиво покрутил головой – Хорошо-то как...

Беженцы вскакивали с подстилок, в радостном возбуждении окружали вернувшихся и не заметили подошедших диакона и разведчиков.

– Миряне, – обратился диакон. – Миряне! – повторил громче.

⁶ Бремсбёрг – подземная наклонная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность и служащая для спуска грузов с вышележащего на нижележащий горизонт.

⁷ Ствол шахтный в горном деле – вертикальная подземная горная выработка, имеющая непосредственный выход на земную поверхность и предназначенная для обслуживания подземных работ.

Гомон стих, все обернулись.

– К нам пришли товарищи из-за Каменного Хребта, чтобы вывести из неволи...

Люди затихли и глядели во все глаза. В тусклом свете лучин к разведчикам были обращены лица: красивые – молодых и серые, стёршиеся – пожилых людей, распахнув глаза, с восторгом глядели дети, восхищенно сияли глаза юной Девушки.

Неожиданно для разведчиков один за другим беженцы стали опускаться на колени, склоняя головы. Солдат заметил, как молоденькая девушка тоже порывается встать на колени, но стоящая рядом высокая красивая женщина удерживает её.

– Ну, чего повалились? – добродушно произнёс диакон.

– Так ведь новые господа... – отозвался женский голос.

– У наших за Хребтом господ нет...

– Как же так? – не унималась женщина

– Без господ живут. По совести. По-товарищески. Вставайте...

Лагерь охватило радостное волнение. А за столом проходило совещание. Командир разведчиков и Иван рассказывали начальнику лагеря о трудностях, подстерегающих их в пути, сообщили о принесенных и оставленных возле прохода в пещеры оружия, одежде и высококалорийных продуктах. Было решено, не медля, готовиться в дорогу. Когда всё было продумано и оговорено, командир разведчиков обратился к диакону:

– Мне необходимо сделать снимок карты в нише и поискать тайники: возможно, где-то здесь спрятаны карты подземных выработок. А еще нужно сделать карту маршрута от ущелья до церкви и завода.

– В нишу вас отведу я. А в церковь поведёт Ваня...

Пока командиры в поисках тайника обходили все закоулки в пещерах, а затем отправились в нишу, Иван лежал на одеяле поверх кучи листьев и отдыхал перед походом в церковь. Рядом сидела Катя, теребила его волосы, он брал её теплую шершавую ладошку, целовал, подкладывал себе под щеку.

Радостное возбуждение первых часов встречи – лихорадочные, жадные расспросы и восторженные рассказы – улеглось, сменилось деловой и тревожной подготовкой к длительному и опасному походу. Все притихли, посерьезнели и только неугомонные ребятишки бегали и в сумерках пещеры играли в войну и ссорились: каждый хотел быть русским солдатом из-за Каменного Хребта, и никто не хотел быть карателем, абсом.

Диакон довёл командира до ниши и, пристроившись в облетевших кустах на камне возле лаза в нее, стал ждать. Лёжа на спине, командир сделал снимок карты со всеми надписями, отметками уровней, направлений движения, ширины и высоты проходов, затем вынул из нагрудного кармана небольшой прибор и стал водить им по стенам, низу и потолку ниши. На соединении низа с боковой стеной обнаружил полость и позвал диакона. В тесном пространстве ниши они с трудом вынули хорошо пригнанную небольшую каменную плиту и из тайника вынули отрезок трубы, герметично запаянный с обоих концов. А вернувшись в пещеры, из трубы извлекли свернутые в трубку от времени хрупкие листы бумаги.

– То, что вы искали? – диакон заинтересовано наблюдал, как разведчик осторожно перебирает сухие листы карт.

– Да! – улыбался разведчик. – Благодаря вам, одно задание, выполнено!

Шагая по туннелю в сторону церкви, командир поглядывал на прибор, пристёгнутый к запястью левой руки. Фиксируя ширину и высоту прохода, расположение отдельных участков относительно частей света, расстояния между отводами и поворотами, нажимал кнопки, и по ходу передвижения на миниатюрном экране вырисовывалась микрокарта маршрута.

Батюшка никак не ожидал гостей.

– Господи, – крестился он, – радости-то сколько! – и морщинистыми руками все трогал плечо разведчика, будто не верил свои глазам.

Дождались темноты и отправились на разведку к заводу. Выбрав удобное возвышенное место, разведчик через прибор ночного видения фотографировал и фиксировал на приборе огражденный периметр завода, производственные корпуса, общежития, у входа в которые стояли постовые, складские помещения, административный корпус и аэролёт на площади перед общежитиями.

Прощаясь, батюшка крестил их, а из старческих глаз текли и терялись в седой бороде слёзы.

– Мы вернёмся, отец, – растроганно говорил разведчик, прикладываясь к батюшкиной руке.

– Верю, сынки, верю. Мы дождёмся.... Не мы, так наши могилы...

Разведчик и Иван, вернулись глубокой ночью. Нашли диакона, доложили о прибытии. Их накормили грибным супом. Прошли в мужской угол второй пещеры. Там горел костерок, дым от него собирался под потолком и незаметными струйками просачивался в ущелье. Вокруг костра собрались мужчины, а молодой бригадиров зять наяривал на гармони.

– Эх, взвейтесь, соколы орлами! Хватит горе горевать! – вскочил невысокий кряжистый мужик и под всеобщее одобрение пустился в пляс, хлопая ладошами по груди, по коленям, по каблукам.

Разведчик и Иван мимо них прошли к месту, где спали Бригадир с племянниками и улеглись на листья рядом с ними. К костру подошла женщина:

– Утомонитесь, мужики, не то беду накличете.

Иван удобней приспособил натруженную ногу и сразу уснул, а офицер лежал и слушал, как возле костерка мужественно и слажено поют: «чёрный ворон, что ты вьёшься надо мной». В песне этой звучали и русская раздольность, и русская тяжкая судьба.... Отдохнул и отправился в первую пещеру к начальнику лагеря.

Сидя за столом при ярком свете фонаря, командир и диакон долго обсуждали, как организовать переход. Было решено один день посвятить сборам, а уж утром следующего дня отправиться в путь.

– Пусть люди перед походом хорошенько отоспятся.

– А они не спят – поют и пляшут, – улыбнулся командир.

Диакон глянул удивленно, потом улыбнулся и махнул рукой:

– Помирать, так с музыкой!

Командиру нравился этот умный властный дядька.

Еще до наступления рассвета дежурные начали будить людей:

– Поднимайтесь, пора.

Когда все проснулись, диакон объявил:

– На молитву, миряне, – и повел в церковный угол пещеры.

Вместе со всеми, молились и воины Русской Армии. В заключение молебна диакон благословил всех и приободрил:

– Молитесь и верьте, что Господь не оставит нас в беде, выведет из неволи. «Спаси, Господи, люди Твоя.»

Глава четвертая

Засыпали камнями следы своего пребывания в пещерах и стали собираться в путь. Поверх своей одежды все надели принесённые из-за Урала не продуваемые лёгкие комбинезоны, поверх своей обуви натянули высокие непромокаемые тонкие, но очень прочные сапоги, на плечи повесили котомки с пищевыми калорийными плитками. Диакон приказал выстроиться и осмотрел каждого. Нищие люди неохотно расставались со скарбом, но он разрешил оставить только одеяла и подстилки. Зять Бригадира вытащил из заплечного мешка гармонь, поставил её возле ног. Диакон посмотрел на гармонь, поднял глаза на её хозяина:

– Жаль бросать.... Донесёшь?

Тот обрадовано закивал.

Прочитали «Отче наш», перекрестились, и с зажжёнными фонарями в руках цепочкой пошли по пещере к проходу в горную выработку. С иконой, подвешенной на груди, первым в проход вошёл диакон.

По узкой штольне вышли в широкий штрек. По мере продвижения, к отряду присоединялись солдаты, оставленные на участках маршрута для составления карт, поэтому шли уверенно, без блужданий и в местах, наиболее удобных для прохода.

Когда вошли в штольню, выводящую на поверхность, устроили длительный привал. Приготовили горячую пищу, обсушились и хорошо выпались.

Чтобы незаметней пересечь долину, посоветовавшись с диаконом, командир принял решение разбить всех на два отряда. В первый, более многочисленный, возглавляемый им самим, он включил родителей с детьми и малосильных женщин и мужчин. Во второй, под командованием сержанта – тех, кто способен быстро и без остановок пересечь долину. Включил в него и Катю с Девушкой.

Накануне весь день шёл дождь. Снег растаял, под ногами было сыро, но хорошо было то, что шли, почти не оставляя следов. Солдат, составлявший карту долины, вёл кратчайшим путём. Все шагали, торопясь, сосредоточенно, молча. Детей помладше несли на руках. Аннушку на руках нёс отец, а мальчики -племянники шагали, не отставая от взрослых.

К вечерним сумеркам добрались до каменного карниза в горе и расположились на отдых. Потом небольшими группами, поочередно в сопровождении солдат стали уходить к спуску в подземелье у подножья скалы с сосной на её вершине. Спустившись с последней группой, командир приказал солдату, встретившему их в этом месте, увести беженцев в штрек и послал сержанту сигнал, разрешающий второму отряду выход на поверхность. Сам же с пятью солдатами, на каменной круче при входе в штольню, остался поджидать второй отряд.

Второй отряд вышел в путь глубокой ночью и к рассвету уже прошёл больше половины пути. Утро наступило хмурое пасмурное, но после подземелья по открывшемуся простору шагало бодро. К середине дня командир получил от сержанта сообщение, что отряд дошёл до гор, укрылся под карнизом, и что он посылает двух солдат проверить безопасность участка дальнейшего следования.

В ожидании возвращения солдат, сержантом посланных в разведку, второй отряд укрылся между камнями под нависающим карнизом. Катя и Девушка сидели на большом плоском камне. Неподалеку от них, на краю провала стоял Солдат. Внезапно воздух сотряс оглушительный взрыв. Всех ослепило, опрокинуло, обожгло пламенем, завалило камнями. За первым взрывом последовал второй. Каменный карниз приподняло и обрушило на людей.

Земля вздрогнула. С каменной кручи вниз полетели неустойчивые камни. Встревоженный командир вскарабкался к входу и, укрывшись за большим камнем, с нетерпением стал поджидать второй отряд. Время шло, а отряд не появлялся. Тогда двум солдатам он приказал завалить камнями вход в спуск и вместе с беженцами уходить дальше по маршруту. Сам же

с тремя солдатами поднялся на поверхность и направился к горе с карнизом. На половине пути им встретились посланные сержантом в разведку два израненных солдата, бредущих поддерживая друг друга. Командир оставил одного солдата оказать им помощь и увести в подземелье, а с двумя солдатами бегом пустился к карнизу.

Там, где недавно нависал большой каменный карниз, громоздились груды опаленных огнём каменных глыб. Они облазили все камни на месте уже не существующего карниза, но ни живых, ни мёртвых не нашли. В жуткой тишине слышалось только потрескивание догорающих деревьев да шипение упавших на мокрую землю головешек.

На поверхности шли непрерывные осенние дожди, вода не успевала сойти на нижние горизонты, поэтому последний участок штрека был сильно затоплен. Но здесь всё уже было подготовлено, чтобы облегчить передвижение беженцев. Отражаясь в тускло поблескивающей глади неподвижной воды, и, освещая торчащие из неё бесформенные камни и небольшие надувные плоты, темноту перечёркивали лучи мощных прожекторов.

Чтобы не заметили из космоса, на поверхность выходили небольшими группками, поэтому выход затянулся на несколько дней. В ожидании очереди на выход уединившийся за камнями Иван лежал, уткнувшись лицом в каменный пол. К нему подсаживалась плачущая Хозяйка, но он никого и ничего не замечал...

На заставе беженцев накормили, приютили на несколько дней, а потом отвезли на вокзал, и они на экспрессе выехали в монастырь, где их уже поджидали.

Сигарообразный белый комфортабельный экспресс остановился возле небольшого вокзала. Из его широко разъехавшихся дверей, неловко и осторожно спускаясь по ступенькам, вышли бедно одетые люди. Экспресс бесшумно набрал скорость и уехал; толпа же не расходилась, осталась стоять на перроне, окружив человека с большим деревянным крестом и мальчика, держащего небольшую икону. К ним подошёл монах, на перроне поджидавший экспресс.

– Я послан встретить вас. Если есть больные, слабые и малые дети, – сообщу в монастырь и за ними пришлют электробус, а остальные пойдут пешком. В обитель принято идти пешком. До неё пять километров.

– Все пойдём пешком.

Дорога вела по лесу. Тускло светило солнце, лёгкий морозец пощипывал щёки. Люди притихли перед тем неизвестным, что ждёт их, и плелись не спеша, устало. Впереди всех, шагая широко и твердо, диакон нес большой тяжёлый деревянный крест, за ним, сменяя друг друга, малолетние бригадировы племянники несли икону.

Массивные створы врат были распахнуты настежь. В ожидании беженцев на монастырском подворье собрались все его насельники. На звоннице ждал пономарь, чтобы начать звонить, как только первые беженцы войдут в ворота. Взоры всех были обращены на дорогу.

Лес расступился, открылся вид на монастырь. На пологой возвышенности, на фоне неяркого неба парили увенчанные крестами золотые купола белокаменных церквей. Над вратами монастырской стены возвышался нарядный храм с чешуйчатым куполом и золотым крестом на его вершине.

Люди остановились и, столпясь, глядели на открывшуюся перед ними невиданную красоту. Чувство торжественной, благоговейной радости овладело ими.

– Покаяние! – громко провозгласил диакон.

Прислонил к ближайшему дереву крест, истово перекрестился и рухнул на колени.

– Покаяние, покаяние, покаяние... – шелестело в толпе опускающихся на колени и крестящихся людей.

В сопровождении монахов, с иконой Христа-спасителя к ним направился игумен. Обливающиеся слезами люди поднимались с колен, крестясь, прикладывались к образу. А потом, следуя за игуменом, все вместе направились к распахнутым вратам обители.

Оповещая о радости небо и землю, над монастырём, лесом, окрестностями растекался
ликующий колокольный перезвон.

* * *

Глава пятая

Взрывной волной их швырнуло внутрь горного провала. Тренированное тело Солдата инстинктивно сгруппировалось, он успел руками прикрыть голову. Придя в сознание, и силясь понять, где находится, скорчившись на камнях, некоторое время неподвижно лежал. Осторожно сел, вдохнул полной грудью воздух и неудержимо закашлялся от клубящейся в воздухе пыли. С трудом откашлялся и встал. Качаясь от головокружения, постоял, вынул из кармана куртки фонарь, проверил работает ли. Обрадовался, когда вспыхнул свет. Стоять не смог, опять сел, боком привалился к камням. Отдохнув, посветил во все стороны. Луч скользнул по каменным глыбам. Там, где недавно зиял проём горного провала, возле которого они отдыхали, сидя на камнях, теперь возвышалась гора каменной осыпи; как туман, в воздухе стояла не осевшая пыль. Погасил фонарь и лёг.

Из забытья вывел стон. Не поднимаясь, прислушался. Стон повторился. С трудом поднялся, включил фонарь, качаясь, побрёл в сторону доносившегося стона. Свет выхватил из темноты неловко согнутую ногу. Девушка лежала на боку, разорванный рукав комбинезона обильно намоч кровью. Сел рядом. Ножом разрезал рукав, из кармана куртки извлёк всё необходимое, остановил кровь, перевязал рваную рану. Не приходя в сознание, Девушка стонала. Он прилёг рядом, не давая себе забыться. Вспомнил, что их было трое и надо попытаться найти вторую девушку. Сделал над собой усилие, встал и, медленно передвигаясь на нетвёрдых ногах, начал поиски Кати, внимательно всматриваясь во всё, что попадало в луч света. Катя лежала неподалеку от Девушки. Посветил в окровавленное лицо, опустил на колени, проверил пульс – жива. Потрогал вывернутую висящую, как плеть, руку – переломов нет, похоже на плечевой вывих. Осторожно выпрямил руку, сильно дернул.

Резкая острая боль вывела из шокового состояния. Поводя глазами, Катя пыталась что-то сказать. Разбитые губы не слушались. Языком выпихнула изо рта выбитые зубы.

– Лежи спокойно, – приказал Солдат, носовым платком стирая кровь с её разбитого лица.

Отдохнул, опять встал, спотыкаясь, побрел к Девушке. Та лежала в том же положении, в каком он её оставил. Из кармашка куртки достал миниатюрный медицинский прибор, приложил его к запястью – пульс, давление в норме; приложил к виску – мозг функционирует. Девушка стонала, веки её вздрагивали; он сел рядом. Наконец она открыла глаза и тупо смотрела перед собой.

– Ты можешь встать? – спросил, со страхом ожидая, что будет дальше.

Она перевела глаза на него, с усилием приподнялась на локте здоровой руки и с его помощью стала тяжело подниматься. Котомка, висящая за спиной, зацепилась за камни, он освободил её. Прошагали несколько метров, дальше идти она не могла. Ввалив себе на спину, Солдат, шатаясь, понёс её туда, где лежала Катя.

Катина котомка тоже сохранилась, находилась за её спиной. Котомки смягчили удар: в них, кроме одеял да раскрошившихся плиток шоколада и сухой спрессованной пищи, которая при замачивании в воде приобретает первоначальный вкус и объём, ничего не было. Солдат постелил одеяла, уложил на них женщин. Всех тошнило. Он хотел было сразу отправиться на поиски выхода, но, чувствуя слабость и головокружение, прилёг рядом.

Солдат очнулся от тяжёлого забытья, включил фонарь, глянул на часы – разбились вдребезги; с сожалением повертел в руке. Подумал: «Сейчас день или ночь?» Немного полежал, прислушался к тяжёлому дыханию спящих женщин. Поднялся. Рядом с Катей положил оружие, потом усомнился, что она сможет им воспользоваться, и забрал. Постоял, подумал в какую же сторону направиться, и решил, что надо идти на восток, в сторону границы. В какой стороне восток, сориентировался по каменной круче на месте их падения.

Подсвечивая себе под ноги, он, спотыкаясь, брел, держась бока выработки. В абсолютной тишине звуки собственных шагов казались необычайно громкими. Пыль осела, воздух был неподвижен, ничто не указывало на то, что поблизости есть выход на поверхность. Как ни удачно упал, всё тело болело, слегка подташнивало и, когда набрёл на воду, сочащуюся по стене выработки, образуя небольшую лужу, из которой, закручиваясь воронкой, уходила вглубь, решил набрать воды и вернуться. Отстегнул воротник куртки, в случае нужды, служащий специальным растягивающимся до определенного размера мешком для воды, зачерпнул и, взвалив на спину, повернул назад.

Когда вернулся, женщины лежали в полузабытье, тесно прижимаясь друг к другу. Не тревожа их, опустил на каменный пол мешок с водой, тяжело присел на край одеяла.

– Нашёл выход? – с радостной надеждой тихо спросила Девушка.

– Пока не нашёл, – ответил бодро. – Воду принёс. Надо ваши раны обработать.

Он помог Кате обмыть лицо и обработал рану; промыл, заново обработал и перевязал рану на руке Девушки. В походной кружке, помятой при падении, замочил раскрошившиеся плитки сухой пищи. Накормил женщин и поел сам. Выключил фонарь, прилёт рядом с ними и, сморённый усталостью, тотчас уснул. Проснувшись, остатками воды напоил женщин и, наказав им лежать, меньше шевелиться, опять ушёл искать выход на поверхность.

Лежа в тяжелой дрёме в абсолютной темноте, девушки вдруг услышали неясные звуки, похожие на шёпот.

– Слышишь? – испуганно прошептала Девушка.

В ответ – согласное мычание Кати, не разговаривающей из-за разбитого опухшего рта. Охватил страх. Тесно прижавшись, они с нетерпением стали поджидать Солдата. А шорохи, шёпоты, шаги, нагоняя жуть, слышались постоянно.

Следуя вдоль боков выработки, Солдат на большом участке обследовал все каменные завалы и набрёл на остатки транспортёра. Это придало уверенности в поисках: к транспортёру подводится вентиляция, значит, где-то поблизости должны находиться вентиляционные шурфы. Лазая в каменных завалах, он потратил много сил и времени на поиски входов в них. Усталый и подавленный безрезультатностью поисков, отдыхая, сидел среди каменных глыб и удрученно размышлял: что же делать? Он досконально обследовал этот участок горной выработки, идти дальше означало бы надолго оставить женщин одних, а они нуждаются в заботе.... Чтобы зря не разряжать фонарь, выключил его. Внезапно, ясно услышал шаги и чьё-то негромкое вкрадчивое бормотание. От ужаса спина покрылась мурашками. Посветил фонарём вокруг себя, догадался: галлюцинации. Подумал: как же страшно женщинам лежать в крошечной тьме. Твёрдо решил возвращаться, находиться рядом с ними, пока они не окрепнут, а там – что Господь пошлёт...

Пришёл, принёс воду. Женщины, обнявшись, спали. Стал укладываться рядом. Нечаянно задел Девушку, она сильно вздрогнула, вскрикнула.

– Не пугайся, это я, – произнес спокойно. Голос его прозвучал необычайно громко и отчётливо.

Девушка сняла больную руку с Катиного плеча, осторожно легла на спину, повернула к нему лицо, боязливо прошептала:

– Здесь кто-то ходит...

– Это галлюцинации. Обычное для подземелий дело. Здесь никого нет, и не может быть, – сказал, укладываясь рядом.

– Я понимаю..., но всё равно страшно...

– Надо отвлекаться.... Хочешь расскажу что-нибудь?

– Да. Расскажи, какая за Каменными горами жизнь. Правда, что люди там совсем не знают голода? Что хлеб там есть у всех и сколько захочешь?

– Правда. Но про еду давай не говорить. Я расскажу, как живут там люди. По порядку: с самого рождения и до старости.

– Расскажи, – придвинулась к нему, отодвинувшись от Кати.

Тотчас Катя инстинктивно придвинулась к ней. Тихо и спокойно Солдат рассказывал, а она жадно слушала; когда ему надоедало, умолкал, и они погружались в тяжёлое полузабытьё. Им ясно слышались шаркающие шаги, какое-то шуршание, похожие на неразборчивую речь звуки. Иногда ненадолго они включали фонарь, звуки пропадали, но в плотной черноте за пределами света мерещились бесформенные шевелящиеся тени, наблюдающие недобрые глаза.

Под ними и над ними простирались каменные толщи. Они потеряли представление о времени. Особенно жутко бывало, когда Солдат уходил за водой. Стараясь подавить страх, Девушка тихонько напевала, разговаривала с Катей, а та, стараясь не шевелить губами, отвечала нечленораздельным бормотанием. Возникало опасение, которое они не высказывали вслух: вдруг Солдат не вернётся – бросит их или заблудится. В нетерпении ждали его возвращения, но время словно растягивалось, тянулось бесконечно медленно.

Солдат возвращался, кормил, поил их. Укладывался рядом. Девушка доверчиво положила голову ему на плечо, брала за руку.

– Страшно?

– Очень... Без тебя ещё страшней...

– Не бойтесь. Мы выберемся. Главное, быстрее поправляйтесь, – говорил уверенно, твёрдо.

– Мы уже немного стояли.

– Голова сильно кружилась?

– У меня, не сильно, а у Кати сильно...

– Значит, надо ещё лежать...

... Однажды проснулись от того, что земля под ними вздрагивает, а с кручи, перекрывшей выход на поверхность, со стуком скатываются камни. От потревоженной пыли стало трудно дышать.

– Бомбят... – пояснил Солдат.

Женщины лежали, почти не шевелясь, а Солдата не было, и вдруг Катя ясно услышала весёлый голос старшей мамочки:

– Помнишь, как ты оборвала клумбу и сплела венки? – старшая мамочка смеялась.

– Помню, – ответила Катя и тоже засмеялась.

– Иди, иди, иди ко мне, Катя, Катя... – удаляясь, весело звал голос старшей мамочки.

– Иду.

Она тяжело и медленно стала подниматься.

– С кем ты говоришь?! Почему смеёшься?! – удерживая, схватила испуганная Девушка. – Ложись...

Катя очнулась, снова легла. В ушах ещё звучал голос и смех старшей мамочки. «Наверное, я схожу с ума» – подумала она и стала с нежностью вспоминать школу и старшую мамочку: «Дорогая, помнишь ли ты обо мне?» Ею овладела неотвязная мысль: «Надо идти, всё время идти.»

Солдат, наконец, вернулся.

– Надо идти, – беспокойно прошепелявила Катя сразу, как только он подошёл, опустил мешок с водой, присел рядом с ними.

– Ого! – обрадовался он. – Кажется, моё войско встает на ноги! Вот сейчас напьёмся, закусим, проверим раны, отдохнём и – в путь!

Как всегда, говорил бодро и уверенно, и это придавало женщинам сил, отгоняло страх.

Усталый Солдат спал, Девушка тихонько напевала, а у Кати всё время в голове нетерпеливо билось: «Пора идти, а мы все лежим».

Обследуя повороты и щели в поисках шурфов и отводов, Солдат уходил вперёд, потом возвращался за женщинами, доводил их до конца проверенного участка, отдыхал вместе с ними и опять уходил. Он был измотан, на пределе сил. Единственное, что радовало – хотя воды в выработке было много, но большие затопления ещё не встречались, пока шли, даже не замочив ног.

...Выработке, казалось, не будет конца. Тускло освещая себе путь, – фонарь садился – они медленно брели и старались не думать о том, что будет с ними, как в этой подземной жути будут обходиться без света и без еды. Впереди шёл Солдат, за ним, глядя под ноги, гуськом следовали Девушка и Катя. Внезапно почудилось движение воздуха. Солдат остановился, тотчас Девушка ткнула ему в спину. Не говоря ничего, Солдат стоял, стараясь понять: не ошибся ли. Опять почудилось слабое дуновение холодного воздуха. Пошёл быстрее, женщины едва поспевали за ним.

– Свет... – прошептала Девушка.

– Свет! Свет! Свет! – громко закричала, указывая рукой вверх.

Впереди, вверху, разбавляя черноту подземелья, бледно светилось. Еще сомневаясь, пошли быстрее – откуда только взялись силы.

Недавним взрывом разрушило потолок шахты, горой камней до самого верха перекрыло проход, а там, очень высоко, был виден кусочек неба. Выключили фонарь и, подняв лица, не отрываясь, смотрели на пятно дневного света не в состоянии поверить, что это правда, не галлюцинация: ведь мерещились же им красные огоньки. Наконец, Солдат приказал:

– Делаем привал. Отдохнём и будем подниматься.

По неустойчивым, сползающим под ногами, срывающимися вниз камням, помогая друг другу, и часто отдыхая, карабкались вверх; при каждом случае поднимая головы и поглядывая на пятно дневного света. Свет стал меркнуть, и они, примостясь на камнях, погрузились в тяжёлую дремоту. Когда едва забрезжило, продолжили карабкаться. К вечеру добрались до большой горизонтально лежащей глыбы, и Солдат объявил привал. Постелили одно одеяло, вторым укрылись. Здесь было уже не так тепло, как на дне шахты. Несмотря на страшную усталость, не засыпалось; смотрели на звезду в небе и про себя молились.

На третий день выбрались на поверхность. Выбившиеся из сил они сидели на толстом стволе взрывом поваленной берёзы; рядом зияла огромная воронка шахты, вокруг стоял припорошенный снегом дремучий лес. Их переполняла радость, хотелось петь, кричать во весь голос и верить, что их беды закончились.

– Смотрите, грибы! – восторженно воскликнула Девушка, указав на семейку подберезовиков возле их ног. – Не раздавите! Здесь и засохшие ягоды, наверно, есть, – заоглядывалась, не вставая. – Давайте поищем, а потом костёр разведём, грибы изжарим, – предложила весело.

– Слушать мою команду! – полушутливо приказал Солдат. – Наломать лапник и среди камней в воронке устроить бивуак – будем набираться сил.

– Опять в подземелье... – устало проворчала Девушка.

Солдат оглядел их – оборванных, грязных, бледных, изможденных и мягко объяснил:

– Нас здесь могут обнаружить, и тут холодно, а костёр жечь нельзя, внизу же тепло и не дует... Ну, за дело!

Спустившись пониже, туда, где снизу поступал тёплый воздух из подземелья, они на большом камне настелили лапник, а сверху накрылись одеялами.

– Вы полежите, а я разведаяю, что происходит вокруг, – с деланной беспечностью объявил Солдат, когда женщины устроились.

На месте некогда покрытых густыми лесами пологих гор, зелёных долин, глубоких прозрачных озёр, чистых быстрых рек и ручьёв, теперь по всему Уралу простирался жутковатый пейзаж: хаотические нагромождения огромных каменных глыб и торчащие из жёлто-коричневой воды бесформенные каменные громады; в местах обвалов шахт – болотины; как зловещие

курганы, кругом терриконы. Земля перерыта, искромсана, безжизненна, и только на границе в зоне действия космических станций слежения и в местах, где не нашли полезных ископаемых, сохранились густые леса.

Как только они поднялись на поверхность, вид нетронутого леса насторожил Солдата, вызвал беспокойство, но определить местоположение, расстояние до границы и до зоны действия КСС он не мог: при падении прибор разбился.

Женщины остались в воронке, а Солдат уже в вечерних сумерках выбрался в лес, огляделся, и, не заметив ничего настораживающего, уселся на поваленный ствол – надо было обдумать, что делать, куда идти. Его окружал облетевший, тихий и мирный, лес. Неподалеку над лесом возвышалась каменная скала, и, чтобы хоть как-то сориентироваться, он решил забраться на неё. Со скалы открылся вид на покрытые лесом невысокие горы, а на востоке, почти у горизонта, в вечернем небе ярко светился огонёк, заставивший его испуганно присесть – огонёк КСС. Спрятавшись от огонька за выступом скалы, он по компасу, вмонтированному в рукав куртки, определил направление, а по положению КСС относительно горизонта рассчитал примерное расстояние до зоны её действия. По подсчёту получилось, что они находятся на краю этой зоны. Спустился со скалы и, собирая в полу куртки грибы, пополз к воронке. Потом собрал и сбросил в воронку охапку хвороста.

Все пространство вокруг накрыли чёрные тени гор. Наступила ночь. На месте привала среди камней развели небольшой костерок и, нанизав на палочки, изжарили над ним грибы. Снизу поступал тёплый воздух, рядом тлели угли костра, под ними была мягкая постель, а над ними кусочек неба со звёздами.

Женщины ещё спали, а Солдат уже набрал грибов и ягод шиповника, развёл костерок и сушился возле него.

– Почему у тебя мокрые колени? – удивилась, проснувшаяся Девушка. – Ты что – ползал? – засмеялась.

Чтобы до времени не тревожить, дать спокойно набраться сил, он не сказал им, что они находятся в зоне действия КСС, где передвигаться на двух ногах смертельно опасно.

Самое грозное разрушительное оружие переместилось в космос. В околоземном пространстве вдоль границ двух миров вместе с планетой вращались зафиксированные над определенными точками земной поверхности пограничные космические станции слежения – КСС с энергетическим оружием, направленным на землю и на параллельно зависшую такую же станцию другого Мира.

После тяжелых раздумий Солдат пришёл к печальному заключению, что у них только два выбора: либо зазимовать в горной выработке и погибнуть от голода, либо рискнуть – попробовать переползти через границу под двумя системами КСС, и, в случае неудачи, сгореть в энерголуче. На них были комбинезоны, в какой-то степени, маскирующие от следящих камер КСС, и это обнадеживало, но даже в них передвигаться на ногах в зоне действия станций было смертельно опасно.

Когда окрепшие женщины запротестовали против сидения на каменной круче, Солдат объяснил им все обстоятельства их положения.

– Что будем делать? Я заранее согласен с тем, что решите вы. . . .

– Надо идти, – тяжело вздохнула Катя.

– Ползти. . . , – уточнила Девушка и легкомысленно добавила: – ползти, так ползти. . . .

А сколько ползти?

– Километров двадцать. . . .

Расширившимися глазами женщины оторопело уставились на Солдата.

У Солдата нашлись иголка и нитки. Зашили разорванные комбинезоны, разрезали на рукавицы одно одеяло, второе одеяло разрезали на три части и кусками его обернули тела под комбинезонами. Солдат запасся берестой для рук и коленей.

Ориентируясь на огонек КСС, ползли днем. Солдат знал, что ночью передвигаться опасней: с заходом солнца на КСС включаются дополнительные системы теплового слежения. На ночь забивались в звериные норы под корнями деревьев или в каменные расщелины и, прижавшись, согревали друг друга. Еда давно уже была съедена. Наклоняя до земли кусты, ели засохшие и замороженные ягоды, по пути засовывали за пазуху еловые шишки, а, забившись куда-нибудь на отдых, выбирали из них зёрна. Становилось всё холоднее, но и редкое тепло не радовало: ползти приходилось по тающему снегу.

Чем выше огонек КСС поднимался над горизонтом, тем тревожней делалось Солдату: возрастала опасность попасть в зону действия огня наземной станции корректировки положения КСС, шквалом огня автоматически расстреливающей всё, что приближается к ней.

От ползанья на четвереньках руки и колени уставали так, что забравшись куда-нибудь в заросли, лежали до тех пор, пока холод не заставлял двигаться дальше. Перелезая через стволы поваленных деревьев, продираясь через колючий кустарник, проваливаясь в припорошенные снегом ямы, вначале ползли по лесу. Потом лес начал редеть, и больших деревьев, вскоре, не стало вовсе; поредел и кустарник, а когда добрались до пологой вершины горы, перед ними открылось лишенное растительности бескрайнее покрытое снегом пространство. Заметив неподалёку нагромождение камней, спрятались среди них. Выглядывая, со страхом рассматривали голые склон и вдалеке холм, по которым предстояло ползти.

Два дня они прятались среди камней, не решаясь продолжить путь по открытому месту. Наконец, Солдат решился и, надвинув на глаза капюшон комбинезона с вмонтированными в него очками дальнего видения, стал запоминать камни, по которым можно будет ориентироваться. Набравшись мужества, на рассвете третьего дня они, помолясь, выбрались из-за камней и поползли.

Сползли со склона. Солдат остановился, опасливо глянул в небо – огонёк приблизился. Опустил голову на руки и, отдыхая, замер; тотчас в его ноги головой уткнулась Девушка; вниз лицом замерла и Катя. Отдохнули и поползли дальше, не отрывая от земли взгляда, не видя ничего вокруг себя. Только Солдат, постоянно помнящий о корректировочной станции, находящейся где-то поблизости, со страхом поглядывал на небо, следя, чтобы огонёк КСС постоянно находился с правой стороны.

Переползли холм и оказались в долине между сопками. Пошел снег, полетели редкие снежинки. Снегопад усиливался; сквозь его пелену тускло светился огонек КСС. Ползли, натываясь на низкие кусты, и на ходу срывая и вместе со снегом запихивая в рот ползамороженные ягоды брусники. В одном месте брусники было так много, что, далеко не отползая друг от друга, разгребали снег и ели её горстями. Немного утолив голод, опять поползли. А снег всё падал и падал, покрывал землю и толстым слоем ложился на их спины. Но, полагая, что так они незаметней, они его не стряхивали.

Задыхаясь и изнемогая, Катя и Девушка ползли за Солдатом. Неожиданно в свежее выпавшем пушистом снегу он заметил след. Приподнял голову и увидел цепочку следов, как будто кто-то широко и уверенно шагал впереди его. Растерянно остановился, но ползущая за ним Девушка нетерпеливо тронула за ногу, и он пополз по следу.

Снег падал, не переставая, а перед глазами Солдата по-прежнему тянулся след, приминающий снег. Боясь потерять его, он забыл следить за положением КСС, а когда вспомнил, то увидел огонёк опять впереди и испугался, что они сбились с пути. Опасливо оглядел небо, и сердце его радостно вздрогнуло: на востоке у горизонта светился ещё один огонёк – это был уже огонёк КСС Великого Востока. Опустил голову, опять увидел след и торопливо пополз.

След пропал также внезапно, как и появился. В его поисках Солдат заметался из стороны в сторону и неожиданно свалился в яму.

– Эй, ты где? – звала растерявшаяся Девушка.

– Ползите сюда, – голова Солдата высунулась из ямы.

Примяли снег в яме. Согретый теплом спутниц, Солдат лежал и не мог уснуть. Перед глазами стояли шаг за шагом следующие следы, и он пытался понять: откуда в этих местах, где всё убито и нет следов ни зверей, ни птиц, появились такие необычные следы. Чем-то они были знакомы... «Лапти!» – озарила догадка. – «Старинные русские лапти!» Он резко сел и широко раскрытыми глазами потрясённо уставился в темноту ямы. В памяти всплыли разговоры старых разведчиков об Иване Сусанине, старике в старинной одежде, лаптях и с посохом, которого, якобы, видели беженцы во время блужданий в пограничной зоне. Появляясь внезапно, он выводил из опасной зоны следующих за ним людей и бесследно исчезал. Солдат встал, осторожно выглянул из ямы. Небо расчистилось, ярко сияла полная луна, а на востоке, над горизонтом, как путеводная звёздочка, горел огонёк КСС Великого Востока. Зародилась вера, что они доберутся до своих, спасутся. На глаза навернулись слёзы: «Слава Тебе, Боже, слава Тебе...» Рано утром Солдат проснулся, выглянул из ямы и невольно залюбовался: всё вокруг было покрыто сверкающим на солнце пушистым, ослепительно белым снежным покрывалом. Опасливо посмотрел на огонёк КСС Великого Востока, через очки дальнего виденья осмотрел окрестности и обрадовался, вдали увидев спасительный лес.

– Надо идти, – нетерпеливо прошепелявила Катя, заметив, что Солдат проснулся.

Привязали к распухшим коленям и рукам бересту и вылезли из ямы.

– Вперёд! – бодро скомандовал Солдат.

Опустился на четвереньки и пополз, оставляя в снегу глубокую борозду. Оглянулся, призывно махнул рукой замешкавшимся женщинам. Девушка выбралась из ямы, встала на четвереньки, но вдруг села на снег и громко заплакала.

– Я не могу... Я больше не могу...

Вернулись в яму, успокаивали её.

– Болит? – спрашивал Солдат, осторожно касаясь раненой руки Девушки.

– Болит... – плакала она.

– Мы мало молимся..., – задумчиво промолвила Катя, – надо молиться и Господь нас спасёт.

– Безумие, ползти при таком сиянии солнца. Вот, как следует, отдохнём, дождёмся снегопада и отправимся дальше, – весело говорил Солдат, принимаясь утрамбовывать в яме снег. Голос его звучал по-прежнему уверенно, ободряюще.

На пульте наблюдения за пограничной полосой сработал сигнал тревоги. Почти незаметные на белом снегу в белых комбинезонах, пересекая вырубку пограничной полосы, шли трое. Тотчас на перехват нарушителей по боевой тревоге был поднят взвод.

Офицер увеличил изображение, разглядел, что идут две женщины и мужчина. С трудом бредущая за мужчиной женщина упала, мужчина вернулся, помог ей подняться, повёл, удерживая за плечи. Другая женщина едва переставляла ноги, тяжело дышала открытым ртом, заиндевелые пряди волос выбились из-под капюшона и застывшими сосульками висели возле лица.

– В квадрат нарушения границы санитарную машину.

По его просьбе, Ивана призвали в Армию, в погранвойска. Командир разведчиков сам взялся обучать его воинскому делу, а учитель детской школы – учить грамоте.

Известие, что Катя, Солдат и Девушка живы и перешли границу, потрясло заставу. Командир разведчиков усадил в машину Ивана и, промчавшись сотню километров, они вскоре сидели в приёмном покое госпиталя, ожидая, когда спасшиеся проснутся после принятых лекарств. Вскоре появились ещё гости – прилетели родители Солдата. Нянечка отвела всех в комнату отдыха, принесла чай, потчевала пирожным и рассказывала, какими их привезли измождёнными, обмороженными, как все в госпитале поднялись на ноги, принялись обследовать их и лечить.

– А ваш сынок – герой! Девушки сказали, что, если бы не он, ни за что б, не дошли, – улыбалась родителям Солдата.

Ждали, негромко разговаривали. Иван присматривался к незнакомым людям. Внешне они напомнили ему слэйвунов, которых он видел один раз, когда староста послал деда отвезти в слейвун-хаус масло и сметану, а тот взял с собой и его. Тогда ему показалось, что он попал в сказочный мир – так там было необычно и красиво. И люди там – нарядные и веселые, показались ему необыкновенными. Его всё ещё удивляло, что здесь люди держатся с ним, с Иваном, как с равным, словно, он не русский. «Так ведь они тоже русские!» – радуясь и гордясь, думал он.

Сияющими глазами Катя смотрела на Ивана, а из глаз её текли и скатывались во впадинки висков слезы. Иван осторожно вытирал их пальцами, вглядывался в дорогое лицо – такое худое, измождённое, с израненным, провалившимся беззубым ртом. Любовь, жалость и счастье от того, что она жива, переполняли его душу. Перевязанной обмороженной рукой она гладила его широкие плечи в солдатской форме, потрогала погон.

– Я теперь солдат Русской Армии! – улыбнулся, гордясь.

Она сквозь слезы не спускала с него счастливых глаз.

Через два дня Иван вернулся к месту службы; ещё через день уехал отец Солдата. Мать осталась возле сына ещё на неделю.

В больничном халате в палату с большим пакетом в руках вошел Солдат.

– Я гостинцы от мамы принес.

– У нас всего много, – говорила Девушка, светясь улыбкой. – Не понимаю, как можно столько съесть: в столовой кормят как на убой, да ещё все несут...

А сама, между тем, охотно освобождала пакет, выкладывала его содержимое в тумбочку. Однажды, заметив, как она складывает конфеты и все нескорпортящееся в отдельную сумочку, Катя спросила, зачем она это делает. Та рассудительно ответила:

– Не всегда же будут так кормить. Вот приедем к своим – будет, чем ребятишек угостить.

– Я думаю, они тоже не голодают.

– Кто знает...

Возвращаясь с процедур, в холле повстречались с Солдатом.

– Познакомьтесь, – сказал он, – это моя мама.

Приветливо улыбаясь, рядом с ним стояла красивая, моложавая женщина.

Мать, Катя, Девушка и Солдат медленно прохаживались по расчищенной от снега пустынной и тихой аллее больничного парка. Сгибаемая ветви, на деревьях лежал снег, невдалеке робот-снегоочиститель расчищал заснеженные дорожки. Нежно и звонко тенькая, по дороге прыгали ничего не боящиеся синицы.

– Как в сказке! – Девушка восторженно озиралась по сторонам. – Катя, давай пробежимся! – затормошила.

– Беги одна, а мы на тебя посмотрим.

Взвизгнув от восторга, она, скрипя по снегу, добежала до ворот и пустилась обратно.

– Смотри, застудишься. Дай-ка поправлю тебе шарф.

Девушка доверчиво замерла, когда Мать укутывала её шарфом.

– Сколько же тебе лет? Родители-то у тебя есть?

– Скоро будет семнадцать. Родителей нет. Я в заводе с сестрой жила. Пока не выросла и не работала, мы с ней в общежитии на одной койке спали, – затараторила.

Мать строго взглянула на сына.

– А куда поедет девочка после госпиталя? Давай я её с собой заберу. Будет у нас жить. Отец, я знаю, возражать не станет, – сказала Мать, прощаясь с сыном, перед тем как лечь спать.

– Мама, ты лучшая из всех мам!

По просьбе Матери Девушку выписали с условием, что ей продолжат курс лечения по месту жительства. Она переодевалась в приёмном покое в одежду, купленную Матерью.

– Это мне?! И это, и это?! – радостно восклицала, теребя, платье, кофточку, шубку, сапожки.

Довольная Мать и Катя переглядывались, улыбались.

Мать Солдата и Девушка пошли к электробусу, чтобы ехать в аэропорт, а Солдат и Катя, простившись, стояли в воротах больничного парка и смотрели им вслед. Вдруг Девушка развернулась и побежала назад. Подбежала к Солдату и неловко поцеловала его:

– Я тебя буду ждать...

– Жди и слушайся маму, – сказал с улыбкой.

Она кивнула и помчалась к ожидавшей Матери.

Лет через пять, после многократных приглашений, Катя и Иван съездили в гости к этой счастливой семье. Их дом стоял на окраине небольшого городка, на берегу самого глубокого на земном шаре озера с самой чистой в мире водой. Главной, строгой хозяйкой в доме была Мать, а сноха как бы приходилась ей младшей балованной дочерью. Девушка превратилась в красивую статную женщину, по-прежнему весёлую и порывистую. По просторному светлому двухэтажному дому вприпрыжку за бабушкой бегала маленькая прелестная внучка. Во всех комнатах ползали, прыгали, скакали и кувыркались роботы-игрушки, которых, несмотря на ворчание бабушки, спотыкавшейся об них, в больших количествах дарил внучке дедушка. В семейных отношениях чувствовались бережная любовь и уважение.

Солдат и Отец работали на рыболовецком судне, а молодая жена – на консервном заводе. Катю и Ивана сводили на завод: облачили в белые халаты, провели по цехам, полностью автоматизированным, светлым, стерильно чистым. Они выходили и на лов рыбы в озеро, холодное даже летом. Дул сильный, порывистый, часто меняющий направление ветер, свинцовая поверхность озера вздымалась волнами; берега таежные, гористые, с отвесными скалами – бережно сохраненная дикая, первозданная природа.

Кате и Солдату было назначено продолжить лечение на курорте. Солдату вручили путёвку в санаторий, расположенный близко от его дома; туда же должна была приехать на лечение и Девушка. Катя проводила его до аэролёта, а через два дня уже тоже летела над запорошенным снегом таёжным безбрежьем в санаторий, где били из земли целебные источники.

* * *

* * *

* * *

Глава шестая

Минеральные воды, лечебные грязи, горный климат, изысканная кухня, комфортабельное проживание сделали свое, и в военный городок Катя приехала окрепшая, посвежевшая. В ожидании Ивана, отбывшего на учебу, она поселилась в гостинице для приезжих. Через два дня её пригласили к командиру заставы.

Вошла в кабинет. Навстречу ей поднялся из-за стола и, легко ступая по ковровой дорожке, подошел молодой офицер. Указав рукой на стоящие у окна два кресла возле журнального столика, пригласил сесть; сам сел напротив.

На деньги, полученные в порядке помощи перед поездкой в санаторий, Катя приоделась, а после лечения в её облике не осталось и следов изможденности, и перед командиром сидела элегантная, молодая красивая женщина, ничем не напоминающая тех беженков, которых ему приходилось видеть. Её же удивила его молодость. Отправляясь к столь высокому начальнику, она ожидала увидеть солидного серьёзного мужчину лет пятидесяти, а командиру пограничной заставы едва ли перевалило за тридцать, и был он крепок, русоволос, а его серо-зелёные глаза смотрели на неё с расположением и интересом.

Скрывая удивление, офицер поинтересовался её планами на будущее. Ответила, что, когда вернётся с учебы Иван, по-видимому, уедет в монастырь и будет жить среди своих, заводских, работать и ожидать окончания службы Ивана. Внимательно приглядываясь к ней, офицер раздумчиво произнёс:

– Иван проявил себя как надёжный солдат. Служба разведчика тяжёлая и сложная. Не всякий, даже самый сильный и смелый, способен нести службу в подземельях. Перед его отъездом я разговаривал с Иваном, предложил заключить контракт и, пока будут силы и желание, служить на полуказарменном положении. Иван просил предварительно поговорить с вами. Так что, решение зависит от вас.

Помолчал.

– Я хотел бы знать, в случае согласия, как вас трудоустроить. Иван сказал, что вы грамотны и работали в администрации завода.

– Я закончила консерваторию. Могу учить детей музыке.

«Вот это удача!» – про себя обрадовался командир: с директором школы они добивались, чтобы в школу военного городка прислали ещё одного специалиста с музыкальным образованием.

Когда Иван прибыл из учебного лагеря, Катя уже поселилась в предоставленной им квартире. На первом этаже её находились прихожая с гардеробом, кухня, столовая и холл-гостиная; из холла лестница вела на второй этаж, где располагались две спальни и ванная; спальни соединял большой балкон. Квартира небольшая, компактная, уютная, с двумя роботами: роботом-уборщиком квартиры и роботом-поваром. Мебель она заказала по каталогу. К приезду Ивана всё уже было доставлено, расставлено по местам и квартира имела обжитой вид. Почти позабыв, что совсем недавно верхом их с Иваном желаний была отдельная комнатка в грязном производственном корпусе, Катя с удовольствием расхаживала по комнатам или, усевшись в кресло, подолгу представляла не лучше ли будет переставить мебель по-другому и какие нужно приобрести ковры и вазы – квартира стала её радостной заботой.

Невысокие красивые дома были живописно разбросаны среди деревьев. К домам от уличных тротуаров вели пешеходные дорожки и дорожки для роботов-разносчиков. Лестницы и лестничные площадки были широкими, красиво отделанными, с витражами в окнах. На этаже находилось две квартиры. Во второй квартире жил сам командир заставы. Был он не женат и дома находился мало

В школе тоже всё складывалось как нельзя лучше. Там встретили её сердечно. Директор сразу представил её коллегам, двум преподавателям музыки – специалистам по фортепиано и народным инструментам, совмещающим обучение вокалу и руководство хором. Договорились, что руководить хором и обучать детей пению будет Катя.

Постепенно, с её души сходила запуганность, приниженность, и она становилась прежней Катей, преисполненной спокойствия и достоинства. Но с Иваном возникли сложности. Когда он вернулся, Катя была дома и, напевая детскую песенку, которой обучала малышкой, ходила по квартире с красивой вазой в руках – искала ей место. Иван, не раздеваясь, прошёл в холл и остановился, наблюдая. Он вдруг почувствовал себя лишним: всё здесь было слишком красивым и чужим. Сияющая Катя бросилась к нему – усталому, отчужденно разглядывающему её; заглянула в глаза, поняла сердцем, встревожилась, растерялась. Потом она корила себя за то, что думала только о себе, а не подумала об Иване – приучать его к хорошему, красивому нужно было постепенно. Иван долго привыкал к домашнему уюту. Ему больше нравилось в воинской казарме среди солдат и командиров. Солдаты любили его как старшего товарища – надёжного, честного, немногословного, – в их глазах он был героем, а командиры обращались с ним, как с равным. Ивану нравились армейские дисциплина и строгость, а все домашние красоты казались лишними. И вазы, ковры, зеркала Катя убрала до будущих времён, а сама порхала по дому не в пестреньких халатиках, а в строгих с белыми воротничками. Но уже скоро Иван смотрел на шкапулки и вазы снисходительно, как на милые Катины причуды, а её нарядные одежды нравились ему всё больше.

Катя работала увлеченно. Без устали, она стремилась добиться выразительности и поэтичности звучания, мечтала о введении в репертуар серьёзных произведений.

На занятия Катя приходила всегда нарядной, тщательно причесанной, праздничной: с детьми ей хотелось быть лучше, умнее, благороднее. Особенно ей нравилось заниматься с младшими учениками: она любовалась их чистыми, доверчивыми личиками, нравилась их ласковость, старательность. Полюбила и саму школу, ей было тепло и спокойно в доброжелательной атмосфере, где всё подчинено цели – дать детям максимум знаний. Знания здесь дети получали фундаментальные, целостные и одинаковые для всех. Желающие получить более углубленные знания занимались в кружках, студиях, секциях. В школе всё способствовало развитию природного стремления ребенка к совершенству, раскрытию талантов и духовному развитию.

Любовь к детям была всеобщей, и то, что в Мире Абсолюта дети воспитываются отдельно от родителей, всех приводило в недоумение: как можно? К воспитанию детей в обществе относились ответственно. Было недопустимо проявление при ребенке злобы, гнева, ненависти, и в спокойной, доброжелательной обстановке дети росли ласковыми, доверчивыми. Каждый родитель стремился быть своему ребёнку примером для подражания. Дисциплины и послушности требовали от детей и в школе, и дома. Считалось, что попустительство в детстве ведёт к тяжёлым жизненным испытаниям. «Живи не как хочешь, а как Бог велит», – наставляли родители. «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь», – учили детей священники.

Катя проснулась, посмотрела на изрисованное морозом еще темное окно, с удовольствием оглядела спальную комнату – просторную, нарядную; с наслаждением потянулась, ощутив каждой клеткой полноту жизни. Хорошо, что выходной день: можно подольше поспать.

– Ванечка, сколько у нас будет детей? – улыбнулась, заметив, что тот проснулся.

– А сколько нам надо?

– Трое. Два мальчика и девочка, – сказала, как о давно решенном.

Он счастливо рассмеялся.

Днем уже пригревало солнце, капало с крыш. Казалось, что в самом воздухе сквозит радость, заставляющая беспричинно улыбаться.

Чтобы прогуляться, Катя из дома вышла пораньше. Пришла, неторопливо разделась, направилась в класс. Сойдя с эскалатора, по коридору неслись в спортивный зал дети, но увидев её, переходили на шаг, вежливо здоровались.

Вошла в класс, прошла к роялю, подняла крышку, села, прошла пальцами по клавишам. Задумалась: что сыграть, соответствующее весеннему настроению. Зазвенел сигнал видеосвязи. Директор школы сообщил:

– Зайдите. Вас вызывает начальник заставы.

Удивилась, немного встревожилась.

Начальник заставы поприветствовал, улыбаясь, сообщил:

– У нас гость – ваш старый добрый знакомый. После занятий вы не планируете отлучиться из дома? Если нет – мы вечером зайдём.

Она заверила, что сразу после уроков отправится домой. А вернувшись, в первую очередь, заложила продукты и задала программу приготовления ужина роботом.

Вскоре пришли гости. Вместе с начальником заставы пожаловал неожиданный гость – диакон, начальник лагеря беженцев. Увидев его, Катя так и ахнула. Он мало переменялся: по-прежнему был широкоплеч, костист, из-под мохнатых бровей строго глядели добрые внимательные глаза. В радостной растерянности она улыбалась ему.

– Здравствуй, дочка! Здравствуй, Катя! – говорил диакон. – Ну, показывай, как живешь.

Стала приглашать их раздеться и пройти, сказала, что скоро и ужин будет готов. Но гость ответил, что зашёл лишь повидаться с ней, а вот когда приедет Иван, придёт к ним погостевать подольше, сейчас же он спешит к священнику местного прихода, у которого остановился. Прошёл по комнатам первого этажа. Увидев иконы, одобрительно поглядел на неё и спросил:

– Квартиру-то освятили, прежде чем въехать?

– А как же...

Спросила у начальника заставы:

– Когда приедет Иван?

– Через два дня.

Ушли. Она выглянула в окно. От дома отъехал воинский электромобиль, увозя начальника заставы, а гость постоял, осмотрелся и, неспешно, отправился пешком. Торопливо обула сапожки, сорвала с вешалки шубку, на бегу нахлобучила шапочку и бросилась за ним. Подбежала, запыхавшись, как девчонка.

– Что же вы не позвали с собой?

– Постеснялся отрывать от дел...

Они стояли возле дворового катка, любовались живыми, румяными, здоровыми детьми, неугомонно снующими по льду вокруг уже изрядно подтаявшей большой снежной бабы, вслушивались в их звонкий счастливый смех.

– Чудны дела Твои, Господи! – промолвил диакон.

– Я иногда проснусь ночью, вспомню завод, сравню с нынешней жизнью и подумаю: может быть, это рай?...

Гость улыбнулся:

– Не рай... О рае Апостолом сказано: «Не видел глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Нет в земной жизни ничего, что можно сопоставить с раем. Но не зря же Господь сотворил человека «по образу и подобию своему» – Творцом! – значительно поднял палец. – Вот, если отринуть зло, оказалось и можно с Божьей помощью такую сотворить жизнь, – повёл рукой вокруг.

Они шли неторопливым шагом. Зима выдалась снежная, вычищенные тротуары, из-за снежных бортов, стали похожи на траншеи. Гость продолжал внимательно всматриваться в ухоженные красивые здания и ровные аллеи голых деревьев, в снежные горки и детские площадки

с ярко раскрашенными каруселями во дворах жилых домов, в веселые приветливые лица прохожих.

– Говорят, здесь особенно хорошо летом: множество зелени и цветов, – ревниво сказала Катя: ей хотелось, чтобы гостю понравилось здесь так же, как и ей. Глядя на неё – нарядную, спокойную и уверенную в себе, с беззаботной улыбкой на лице, он вспомнил, какой увидел её в первый раз: худенькую, бледную, с, казалось, навсегда застывшим страданием в глубине светлых глаз. «Чудны дела Твои, Господи».

А Катя, невольно, отмечала перемены, произошедшие в диаконе: в нем чувствовалась властная уверенность, спокойное жизнелюбие, а в том, как держался – достоинство и стать.

Ей захотелось показать гостю школу. Вошли в школьный парк, по широкой расчищенной аллее дошли до высокого здания с красивым фасадом. Было тихо, и только со второго этажа негромко доносилась музыка.

– У нас есть очень одаренный мальчик. Учитель с ним занимается, не считаясь со временем, – пояснила. – Зайдём? Я покажу вам всё.

– Без детей не интересно...

На следующее утро он пришёл на урок Закона Божьего, весь урок просидел на задней парте, а потом директор и священник показали ему школу.

Стало темнеть. На небе загорались звезды, взошла яркая полная луна, чувствовалось, что к утру ударит мороз. Засветились окна в домах и витрины магазинов, на просторной площади со скульптурной группой, осветилось здание театра, на фоне тёмного неба золотом загорелись подсвеченные купола и кресты церкви. Гость направлялся туда.

Служба только что закончилась, крестясь, из церкви выходил народ.

– Беги, Катя. Пойду, батюшка меня ждёт. Иван приедет – я к вам приду.

Мороз крепчал; быстро пошла, поскрипывая по снегу. Задумалась: «Почему диакон приехал к начальнику заставы и для чего вызывают Ивана?»

Через два дня, возвратясь из школы, Катя застала дома Ивана и диакона. Облачившись в фартуки, они накрывали на стол. Белоснежная скатерть, красивые столовые приборы и посуда и живые цветы создавали атмосферу праздничности. Обрадованная, она принялась помогать. Оживленные и весёлые уселись за столом.

Отужинав, убрали со стола. Гость из нагрудного кармана достал аккуратно упакованные голографии. Иван и Катя внимательно рассматривали снимки, сделанные в строящемся поселке на берегу реки, где поселились беженцы с завода: широкие улицы из небольших одно и двухэтажных домиков разнообразной архитектуры; строящаяся церковь: фундамент большого здания, а возле него Бригадир и несколько человек строителей; в светлых комнатах, обставленных новой мебелью, глядя в объектив, чинно сидят знакомые люди. Наконец, увидели на снимке Бригадира с Хозяйкой в окружении Аннушки, двух племянников и зятя с сестрой. Зять, растянув меха, обнимал неразлучную гармонию. Все были нарядны и довольно улыбались. Улыбались, разглядывая снимки, и Иван с Катей.

– Вас все в гости зовут...

– Мы собираемся поехать на пасхальную неделю. Детей распустят на каникулы, вот и поедем. Да? – ласково обратилась к Ивану.

– Я человек служивый: отпустят – поедем.

Гость вновь бережно упаковал снимки, присоединив к ним и снимки Ивана с Катей.

– Я, Катя, теперь иеромонах. Возвращаюсь в старый приход. Наш батюшка рукоположен в протоиереи, буду служить под его началом. Вот и Ивана вызвали – пойдёт провожать меня.

Все стало ясно... Катя притихла. «Вернуться по своей воле в прежний ад?!... Ни за что!» – думала она.

– Да не смотри на меня так жалостно, – улыбнулся иеромонах. – Я слуга Божий и моё место там, куда призван.

Ночевать он не остался, сказал, что ему ещё о многом нужно побеседовать с местным священником, а завтра они вдвоём будут вести службу.

Воспользовавшись тем, что уроки у неё во второй половине дня, Катя отправилась к службе первого часа и отстояла литургию. Иеромонах в красивом облачении – ризе, епитрахили, набедреннике и с золотым крестом на груди, вёл службу уверенно, его голос звучал строго и убедительно. Сослужал ему местный священник, а прислуживал юноша, бывший грузчик, заводской товарищ Ивана. Он изредка заходил к ним в гости, и Катя с Иваном встречали его у себя ласково; они знали, что он готовится поступать в семинарию.

После службы миряне подходили к иеромонаху, просили благословения. Катя тоже подошла и получила благословение.

* * *

* * *

Глава седьмая

Отряд из шести человек – пяти разведчиков и иеромонаха, отправлялся за Уральский хребет. Кроме того, что довести до места иеромонаха, разведчики должны были обследовать весь путь древних: поискать, нет ли запасных отводов, найти указанные на древних картах выходы в ущелья и попытаться выяснить, почему, имея карты, люди не смогли выйти за Урал: сведений о них в архивах не было.

Как и все, иеромонах нагрузился огромным рюкзаком, в нем он нёс богословские книги. Проживая в монастыре, времени он зря не терял и теперь был грамотен.

...Навьюченные рюкзаками во мраке шли, преодолевая завалы, бредя по воде, спотыкаясь о мокрые скользкие камни. В узких и низких местах рюкзаки разбирали, их содержимое переносили по частям.

На подходе к выходу в долину, в штольне потянуло холодом и появились затянутые льдом лужи. В месте заваленного ими камнями выхода на поверхность теперь зиял обвал, вверху которого светилось небо. Каменная осыпь, перекрывшая выход, была покрыта снегом и льдом.

По скользким камням забрались наверх осыпи и распластались на камнях. Перед ними открылась картина разрушения: нагромождения опаленных взрывом камней, вывернутые с корнем обгорелые деревья, а на вершине горы одинокая сосна со сгоревшей кроной. Солнце светило ярко, приятно грело спины и лица. Покрытый коркой наста, слепящий глаза снег подтаивал, напитокывался водой.

Взглянув на прикрепленный к рукаву прибор улавливания звуков двигателей, один из них заметил слабое свечение. Командир приказал всем спуститься в штольню, а сам, укрывшись за камнями, следил за прибором. Свечение делалось ярче и наконец, он услышал негромкий рокот летящего аэролёта. Подлетев к ущелью, аэролёт снизился и через равные промежутки времени один за другим сбросил несколько небольших контейнеров. Пролетев камнем до определенного расстояния от земли, контейнеры зависли на автоматически раскрывшихся парашютиках и, относимые потоком воздуха от места падения, медленно снижались. Один контейнер ветерком несло к месту, где он притаился. Не дожидаясь, когда из снизившегося контейнера начнут вылетать насекомые биороботы-убийцы, он торопливо стал спускаться в штольню.

– Уходим в штрек, – приказал ожидавшемуся его отряду.

– Всё ещё ищут нас, – заметил Иван, когда командир рассказал о сброшенных в ущелье биоубийцах.

– Похоже, что так, – согласился командир. – Придётся нам посидеть здесь.

Срок жизни биороботов был не более пяти дней, но зима была временем не благоприятным для них, замерзающих на крепком морозе. Рассудив, что если сбросили биоубийц, то можно не опасаться, что в долине есть посты клонов или карателей, с наступлением второй ночи они выбрались на поверхность. Мороз хватал за щёки. На небе висела полная луна, при её свете в том месте, где они недавно лежали, чернели точки, будто просыпанных, вмерзших в наст насекомых-убийц.

Встав на раздвижные лыжи, удобные для ходьбы хоть по снегу, хоть по насту, они по ущелью направились в долину. В долине в глубоком снегу спокойно стояли деревья, и не было никаких следов бомбёжки. К утру перешли долину, и, ориентируясь по карте, точно вышли к входу в шурф второй горной выработки.

В полумраке церкви только у алтаря слабо теплились огоньки лампад. Было холодно и пусто.

Иеромонах пристроил рюкзак у входа, подошёл к занавеске, за которой находилась келейка батюшки, и услышал голоса. Батюшка и мальчик лет тринадцати сидели рядом на лавке за столом и трапезничали. Батюшка зимовал с учеником чтеца, а самого чтеца, пока нет прихо-

жан, он благословил служить в сельской церкви. На столе перед каждым трапезником лежало по несколько отваренных картофелин. Иеромонах вошёл в момент, когда батюшка был уличён в том, что пытался незаметно переложить мальчику свою картофелину.

– Батюшка, зачем вы опять подкладываете мне? – сердито выговаривал мальчик. – Почему вы так поступаете? Вы хвораете, вам нужно лучше питаться! А вы...

– Что ты, что ты, сынок! Я старый человек и аппетит у меня уже не тот... Я сыт, мне этого даже много..., – оправдывался батюшка.

– Батюшка... – окликнул, подходя, иеромонах.

– Свят, свят, свят..., – увидев его, в страхе закрестился тот.

– Это же я, или не узнаёшь?!

Он поднял его с лавки, расцеловал. Перепуганное лицо батюшки было бледно, землисто, исхудало, голова тряслась. Мальчик, такой же измождённый и бледный, онемев, в радостном изумлении во все глаза глядел на входящих в келью разведчиков.

– Ну, здравствуйте, отец! Я же обещал, что мы придём, вот и пришли! – обнимая и целуя священника, растроганно говорил командир.

После ухода беженцев, церковь пришла в запустение, никто не приходил на службу, да и кто придёт, если завод до сих пор оцеплен, а вместо беженцев навезли рабов, не ведающих о Боге.

– Вот и молимся мы одни с этим вьюношей о спасении мира да русского народа.

Питались они только картошкой, выращенной на тайном огороде среди гор, запасёнными сушёными грибами да кореньями.

– Картошку-то нам крысы ополовинили. Откуда взялись – не понять, – пожаловался батюшка. – Уж не чаяли, когда и весна придёт, а с ней крапива, да одуванчики.

Прошли в тёплую пещеру.

– Пауков развелось видимо-невидимо – мы сюда почти не заходим..., – предупредил батюшка.

Облепившие потолок пауки от пистолетного луча вскипали, шипели и валились на пол. Очистили пещеру, помылись в холодном ручье, и, впервые за много дней сняв верхнюю одежду, крепко уснули. Батюшка же с мальчиком долго со слезами молились, благодарили Господа за счастливый приход воинов.

На другой день в пещере собрали экран, напротив его на лавку усадили батюшку и мальчика и все вместе стали смотреть фильм о монастыре. В глубоком потрясении, роняя слезы и крестясь, смотрели батюшка и мальчик на величественные храмы, на плывущие в небе золочёные купола с крестами, на дорогое внутреннее убранство храмов. Потом смотрели фильм о мирской жизни. Воины радовались, что тяжкий путь ими пройден даром, что и другие православные люди по принесённым ими фильмам увидят, как живут люди за Уралом.

После общей благодарственной молитвы и трапезы высококалорийными продуктами, доставленными отрядом, и недолгого отдыха, вновь устроились напротив экрана и смотрели специально заснятый фильм о благословении иеромонаха на служение в Российской Зоне Абсолюта и о заочном благословении и посвящении батюшки в чин протоиерея и вручении иеромонаху, для передачи батюшке, протоиерейского облачения. Под ангельское пение церковного хора, поздравляя, на батюшку глядели архимандрит в торжественном облачении с золоченой митрой на голове и панагией на груди, иеромонахи и монастырские иноки.

– Господи, недостойн аз, грешный..., – потрясенно твердил батюшка.

Фильм закончился радостным колокольным трезвонном.

– Теперь у нас есть колокольный звон по полному православному уставу! – радовался иеромонах.

Командир нашёл подходящее место для подачи сигналов на лунную станцию и, хотя видел, что иеромонах уже обучен этому, ещё и ещё раз объяснял ему и мальчику, как подать

сигнал о том, что всё благополучно и сигнал вызова по тревоге; как перезарядить батареи, как обращаться с киноаппаратурой и медицинским диагностико-лечебным компьютером. Он присматривался к смышленому мальчику, такому худенькому, не по возрасту низкорослому, и ему очень захотелось увести его за Урал. Он много размышлял об этом и как-то раз, обняв за плечи, спросил его:

– Хочешь пойти с нами?

– Как не хотеть.... Да батюшка не благословляет, не дойдешь, говорит: путь тяжелый. Буду служить Богу здесь. У нас теперь пойдёт всё по-новому: отец иеромонах говорит, что соберет всех чтецов, будет грамоте обучать, священные книги будем читать. А там и оцепление с завода снимут – народ пойдет Богу молиться. Огороды в горах посадим. Дел много будет...

Обласканный командиром, мальчик смотрел преданно, гордясь, что офицер Русской Армии говорит с ним, как с равным.

Иван не выдержал, упросил командира разрешить ему выйти на поверхность и хоть одним глазком посмотреть на завод. Забившись в расщелину, через бинокль оглядел территорию завода: корпуса общежитий, возвышающиеся среди руин производственные корпуса. Пожалел, что садик возле больницы, где они с Катей просиживали ночи, был не виден – его загораживал административный корпус. Вся территория завода обнесена колючей проволокой, а на вышках стоят вооруженные каратели. По-прежнему всё неприглядно, снег, как и прежде, не белый, а серо-розовый, смешанный с заводской пылью. На улице почти не видно людей, никто, как бывало прежде, не толпится возле общежитий и столовой.

Чем дальше Иван, рассматривая, вспоминал и мысленно погружался в прожитые здесь годы, тем сильнее его охватывало, наваливалось тяжестью, ещё не забытое прежнее состояние подавленности, неуверенности, униженности. Он как будто становился прежним Ванькой-грузчиком, настороженным и недоверчивым, сильным и часто беспощадным общежитским драчуном, никому не дающим спуска. Тяжело вздохнув, он откинулся на спину, снял бинокль, полежал, глядя в небо, потом потряс головой, словно стряхивая наваждение, и между камнями пополз в подземелье.

На следующий день протоиерей и иеромонах, облачившись в торжественные церковные одежды, отслужили литургию, и исповедали и причастили воинов.

Помогли иеромонаху спрятать в тайник всё, что принесли: медицинский компьютер с набором лекарств, спальные мешки, оружие, аппаратуру связи, киноаппаратуру, три рюкзака, легко превращаемые в палатки или носилки; туда же, до лучших времён, убрали и упакованные священнические облачения. Потом сели за общую прощальную трапезу. Все старались скрыть печаль и держаться весело.

.Надо было спешить: неизвестно, как после бомбёжек поведут себя внешние воды, не затопят ли проходы. С тяжестью на сердце, оставляя здесь частицу души, разведчики пустились в обратный путь.

Вскоре пришла Знатка, принесла немного картофеля и муки. Ей рассказали о гостях из-за Урала, показали снимки её земляков. Она рассматривала их и растроганно пролиwała слезы. Увидев на снимке мальчиков, племянников Бригадира, рассмеялась, открыв беззубый рот:

– Ой, хитрованы! По грибы, говорят, ушли и не вернулись. А мы всем селом искали..., даже Управляющий из слэйв-хауса приезжал – ещё бы, два слэйва исчезли...

Отсмеявшись, залюбовалась:

– Какие они стали ладные, да справные... Родители, поди, и не чают получить о них весточку...

Увидела весело улыбающихся Ивана с Катей и ахнула:

– Ну, словно, пара лебедей! Вот брату радость будет!

А узнав, что Иван был здесь, расстроилась, тяжело, горестно затужила:

– Знать, не судил Господь свидеться с Ванюшей...

Маленькая сухонькая Знатка за голодную зиму стала тоненькой и лёгкой, как перышко. Грудь её сотрясал натужный кашель, на морщинистом личике с запавшим беззубым ртом и выцветшими кроткими глазами выделялся только заострившийся носик.

Иеромонах извлёк из тайника миниатюрный медицинский аппарат, уложил охающую и удивляющуюся Знатку на стол в батюшкиной келейке и, точно соблюдая инструкцию, в нужных местах подсоединил к её телу датчики, и через несколько минут на маленьком экране высветился диагноз, номера лекарств, порядок их приёма и необходимые процедуры.

– Ну вот, матушка, теперь тебя подлечим, как лечат наших людей за Уралом – по науке. Ты бы оставалась здесь до лета. Куда пойдешь: уж скоро и ручьи побегут..., – уговаривал. – Как-нито прокормимся...

– Не могу, отцы родимые, брата одного оставить – недужит.

Подлечив немного, стали собирать её в дорогу. Иеромонах принёс припрятанный заветный ящичек с инструментами и принялся чинить её истрепанные башмаки. Как и почти все в окрестных деревнях, Знатка была обута в заводские рабочие ботинки.

– Дать бы тебе носки, что принесли от наших – уж больно теплы, да прочны – да опасаясь, не будет ли беды, если их на тебе увидит кто не надо. Сама знаешь: кругом каратели.

– А мы вот что сделаем, – придумала Знатка, – ты отец, порежь их, словно они проносились, а я заштопаю – никто и не догадается.

– В церкви-то вашей сироты живут?

– Живут..., куда им деваться...

– Как придёшь домой, сразу наведайся к батюшке. Скажи: пусть подберет двух-трёх пареньков самых смыслёных и надёжных и сюда пришлет. Сама и приведёшь. Учить грамоте буду. Да и тебе пора передать своё знание. Благословляю взять сиротку-малолетку и обучить всему, что знаешь.

Знатка согласно кивала.

Энергичная натура иеромонаха жаждала деятельности. Он уже представлял, как соберёт ребят, будет учить их грамоте, монастырскому служению Богу, а на святые праздники, все вместе, они будут смотреть фильмы о монастыре, слушать колокольные звоны и церковное пение. Сейчас же нужно осваивать мудрость принесённых священных книг да расчистить каменные завалы в тоннеле, ведущем к заводу, образовавшиеся из-за бомбёжек окрестных гор, после того, как исчезли, словно сквозь землю провалились, заводские рабочие.

Запрятав драгоценные снимки в складках своей ветхой одежды, с неизменным посохом в руке, Знатка побрела в родное село.

Вернувшись к полудню в село, она была встречена рассерженным ворчанием брата:

– Где тебя носит? Уже старая, неровен час, захвораешь, свалишься где-нибудь или каратели заметут. И Ванюшка сгинул... Ожидаячи, вся душа изболелась... Тут ещё поясницу прострелило.

– Не серчай. А лучше ставь самовар, я таких конфетков принесла – сроду не едал! А ещё такое покажу – враз хворь пройдет! – улыбалась Знатка, оглядывая стылую неприбранную избу.

Прошла за печь, переделалась в висящую там домашнюю одежду.

– Чего стоишь-то? Ставь, говорю, самовар – праздновать будем! – увидела, что дед, держась за поясницу, по-прежнему стоит посредине избы.

– Чего праздновать? Штоль, что ты явилась, как ясный месяц?

– Ставь. Раз говорю – значит, знаю! Куда веник-то задевал?

За столом, накрытым старенькой праздничной скатёркой, за дымящимся самоваром рядом на лавке сидели двое стариков, и пили чай в прикуску с шоколадом.

– Вкусно ли? – спрашивала, раздумываясь от тепла Знатка.

– Наверде, вкусно, только уж больно черно..., как будто с дёгтем, а сладко... и горечь есть..., – с видом гурмана рассуждал дед, кладя в рот тающие малюсенькие кусочки.

– А теперь, дед, убирай самовар, освобождай стол, – распорядилась Знатка, унося мыть чашки.

Проверила запор на двери, задернула на окошке занавеску, достала принесённые снимки односельчан, ушедших за Урал, и разложила их перед дедом, с умиротворенным видом, сидящим за столом. Утирая слёзы, старики долго рассматривали снимки, стараясь разглядеть даже все мелочи, все, что было рядом и за изображенными на них.

– Пойду, отнесу. То-то радость будет, – засобиралась Знатка, когда вдоволь насмотрелись, наплакались.

Нагруженная сумками с картошкой, сушёной ягодой и мукой, Знатка вернулась, когда уже стемнело.

– Вот, дед, столько нам надавали всего..., теперь, говорят, – вы нам родня, – громко и довольно говорила она, разгружая сумки. – Дед, ты где?

Услышав стоны, бросилась за перегородку. Там, на полу, под образами, кряхтя и постанывая, распластался дед.

– Да что с тобой?! – ахнула.

– Что, что – прострел!... Как ты ушла, встал на колени, чтоб возблагодарить Господа, а подняться не могу.... Язви этот прострел...

– Ты с тех пор так и барахтаешься, как перевернутый жук? – рассмеялась.

Обидевшийся дед сердито запыхтел. С трудом добрались до кровати. Сбегала к соседям, в старую кастрюлю нагрела у них из печи горячих углей и поставила сухой жар деду на поясницу. Принялась лечить: прикладывала лепёшки из ржаной муки, изготовила на жире мазь из трав и через неделю подняла деда на ноги.

Земля освободилась от снега, сошло половодье, и Знатка, помня обещание, данное иеромонаху, стала собираться в дорогу.

– Ты куда? Опять уходишь? – дед, за дни болезни немного отъевшийся, ухоженный и посвежевший, смотрел на сестру несчастными глазами.

Тогда она рассказала ему, куда и зачем идёт.

– Ты уж, братка, потерпи. Сделаю это дело – потом долго не буду отлучаться.

Через несколько дней Знатка, не мешкая, повела ребят в подземную церковь. Вышли они с наступлением темноты и уже к утру прямой дорогой добрались до места. Батюшку разбудил условный стук в тайном месте. Кто-то стучал, вынув затычку в потолочном отверстии келейки. Выбравшись из спального мешка, принесенного разведчиками, в котором теперь спал в тепле, он через церковь прошёл в тёплую пещеру, где у входа спал иеромонах, с оружием карауливший вход, и разбудил его.

– Пришёл кто-то: условно стучат.

В щель между камнями в рассветных сумерках увидели трех подростков с котомками за плечами. Расширили вход.

– Входите.

– Вот, отцы родимые, каких я вам соколиков привела, – говорила Знатка, когда батюшка и иеромонах, проведя через тёплую пещеру, ввели всех в полумрак церкви, где у алтаря светились лампы. Столпившись стайкой, мальчики с любопытством несмело озирались.

Уже вечером этого дня иеромонах, тесно усадил ребят за столом в батюшкиной келейке и начал обучать их русской грамоте. Подростки были худы, бледны, плохо одеты, не совсем здоровы. Иеромонах, лечивший прихварывающего батюшку, начал лечить и мальчиков. Занятия, прерываемые только на молебен, трапезу и короткий отдых, продолжались целые дни. Иеромонах принёс ящичек с инструментами и, пристроившись рядом с ребятами, обучал их и одновременно чинил их обувь. Мальчики были обовшивлены и священники приказали каж-

дый день перед сном всем мыться. Спали ребята в тёплой пещере вповалку на подстилках, когда-то оставленных беженцами. Еду, выданную священниками приходов, из которых они пришли, сэкономили, как могли, и доедали шоколад, принесенный разведчиками. Вся надежда была на то, что скоро появится трава.

Пора уже было думать об огороде. Иеромонах дал ребятам задание писать и читать, а сам отправился на разработанный ими участок, укрытый в ложбине гор, где они уже много лет сажали овощи. Однако, когда пришел туда, увидел, что после бомбежки вся ложбина изрыта затопленными водой воронками и усеяна вывороченными камнями. Ничего не говоря батюшке, чтобы не огорчать его, проверил как ребята выучили урок, дал задание на следующий день и ночью ушел в ущелье к Дальним пещерам, неподалёку от которых он, когда жил в затворе, разработал участок и кормился с него. Но до ущелья он не дошёл: тоннель оказался разрушенным; каменный завал перекрыл его ход. Он вспомнил, что совсем недавно они с батюшкой почувствовали, что земля едва заметно вздрагивает. «Слава Богу, что не угодили в церковь. Не допустил Господь», – горестно подумал, поворачивая назад.

Уединившись, священники озабочено обсуждали, что делать. О разработке нового участка нельзя было и мечтать: его нужно было еще найти, а кругом каратели. Тревожило и то, что, если на заводе начнут убирать руины взорванных корпусов, то обнаружат ход в церковь с территории завода. С тяжёлым сердцем пришли к заключению, что здесь оставаться нельзя, надо уходить.... Но куда? Поразмыслив, решились направить свои стопы на север, к Патриарху. Точной дороги они не знали, но понадеялись: Господь доведёт...

Не было смысла беречь семенной картофель, которого, как бы ни было голодно, не касались. Прикинули, на сколько дней его хватит, и с удвоенным упорством принялись обучать мальчиков, и вскоре те уже бегло читали и писали печатными буквами. Без усталости, они поочередно вслух читали Евангелие.

Священники планировали на Троицу подарить мальчикам большой праздник – устроить первый показ фильмов, но планы разрушились и откладывать стало незачем. Иеромонах из тайника принес киноаппаратуру, с помощью ребят повесил на стену экран и велел им усаживаться.

Зазвучал радостный колокольный трезвон. Видный с высоты птичьего полёта, на экране в окружении крон деревьев раскинулся монастырь с золотоглавыми куполами. Обзор снижался, приближая монастырь, увеличивая его в размерах; затем с близкого расстояния вид храмов снаружи и показ великолепия их внутреннего убранства; подворье с морем цветов и тенистыми аллеями, среди которых прохаживаются красивые и нарядные паломники с приветливыми, просветленными лицами. Фильм закончился. Потрясенные мальчики сидели, застыв, боясь пошевелиться. Один решился:

– Батюшка, это на небе?

– Нет, деточки, так у наших за Каменным хребтом.

С того дня и до последнего, когда им пришлось расстаться, каждый день они смотрели фильмы. Когда на экране шла служба, ребята вставали на колени и молились вместе с теми – на экране. После просмотра иеромонах, собрав их возле себя, обстоятельно рассказывал о жизни людей в России Сибирской.

– Батюшка, а нельзя ли и нам уйти туда? – глаза ребят горели.

– Нету больше туда пути – всё разбомбили... Наше дело здесь служить Господу, нести людям свет Его Истины... Ходить тесными вратами, ведущими в жизнь вечную. Господь Иисус Христос и Пресвятая Богородица не оставят нас...

Накануне расставанья в подземной церкви весь день шла служба. Готовясь к этому дню, мальчики привели в порядок свою одежду, искупались, и были опрятны и подтянуты. Храм ярко осветили свечами и лампадами, священники облачились в праздничные священные

одежды. Службу совершал протоиерей в сослужении иеромонаха, мальчики по очереди читали Священное Писание. Батюшка кадил ладаном.

Иерархи благословили мальчиков с наказом:

– Идите, помогайте священникам, учитесь сами и учите других. Дорогу сюда забудьте: скоро здесь никого не будет.

Разделили между всеми оставшиеся картофелины, и в сумерках, на ночь глядя, мальчики ушли.

Диакон снял со стен иконы, тщательно упаковал каждую и унес в тайник. Без икон и лампад в церкви стало темно, пусто, сиротливо... Подсвечивая фонарем, он прошел за алтарь и увидел там батюшку, сидящего на камне обхватив руками крест могилы Посланника. Подошел, опустился на колени, перекрестился, земно поклонился могиле, встал, тронул батюшку за плечо:

– Отец, надо идти...

Побрегли, как два нищebroда. Батюшка быстро идти не мог; иеромонах поддерживал его. За ночь нужно было как можно дальше уйти от завода.

В домик священника постучали под утро.

– Ну, наконец-то... Я вас, отцы родимые, которую уже ночь поджидаю..., – тихо проговорил священник, пропуская их в сени.

– А где наш отрок? – спросили утром.

– Знатка увела к себе... Да вон и она сама.

По едва видной в рассветных сумерках тропинке шла Знатка.

– Здравствуй, Знатушка, вот опять, неожиданно и негаданно, довелось увидеться – ласково встретил Знатку батюшка.

– Знаю, отцы, всё знаю, – мальчик ваш рассказал.

– Спасибо, что пригрела его. Ну, как он тебе?

– Благослови, батюшка, взять его к себе в учение...

– Так он же чтец церковный, грамоту знает. Ты как считаешь, отец иеромонах?

– Одно другому не помеха.

– А я уж о нём как о родном внуке буду заботиться. Он нам с дедом Ванюшку заменит...

– Благословляю, матушка, Как на доброе дело не благословить.

Два дня, что прожили в селе, прошли в разговорах. Местный священник, забросив все дела, жадно расспрашивал иеромонаха, как и что за Уралом, как там люди живут. Много беседовали и о вере, о церковной службе.

– А правду ли говорят, что Абсолют боится Иисуса Христа? – вопрошал местный священник.

– Ясное дело – боится! Да ещё как! Сказано: «не в силе Бог, а в правде». Сила у Абсолюта есть и злости много, а правды одолеть он не может!

– Прямо так и сказано?! Ну, тогда понятно...

– Христову правду никто не одолеет. Это только поначалу можно обмануть, а потом она всё равно всплывёт...

– Теперь понятно, почему он Христовы церкви не рушит. Говорят, Христос сказал ему: тронешь – весь твой мир враз порешу, конец света наступит.

Прощаясь, священник говорил:

– Ну, отцы родимые, укрепили вы меня. Наговорился с вами, как мёду наелся. Будет о чём подумать. Эдак почаще бы... Проляжет дорожка в наши края – не пройдите мимо. А увидите Патриарха, передайте: служит, мол, такой-то верой и правдой, по мере сил, чего и им желает.

Иеромонах продвигался лесом, обходя болотины и овраги, а протоиерей и пошедшая проводить их до дальних сел Знатка, опираясь на посохи, брели по дорогам и никому не было дела до двух нищих стариков: таких в голодные вёсны от села к селу ходило немало. К этому

времени, кто помоложе, пристраивались в слэйвун-хаусы на весенние работы за еду, а нищие старики побирались.

Батюшка на приволье немного окреп, лицо его загорело и уже не было таким бескровным. Вид пробудившейся природы приводил его в восторженное умиление:

– Сподобил Господь на старости погулять по белу свету, всласть наглядеться на ясное небо, на звёздочки, на мошек-букашек, на деревья и травушку зелёную. Сколь дивен твой свет, Господи! А помру – на грудь ляжет землячка родная, а не каменья.

И сокрушался:

– Сколько раз я собирался перезахоронить косточки Посланника под небушко... и возможность такая была, а всё никак не мог с ним расстаться. Думал: рядом с ним лягу и будет нам не одиноко. Грех это: о себе думал. Ты уж, отец иеромонах, обещаешь перезахоронить родимого, если Господь сподобит вернуться в церковь нашу.

Когда дошли до села, дальше которого она не ходила, Знатка, получив благословение и простившись со священниками, повернула в родное село. Провожать их от одного села до другого, отстоящих друг от друга за много километров, стало заботой священников местных приходов. И в каждом приходе, где останавливались на ночлег, время проводили в рассуждениях о православной вере, рассказах о жизни за Уралом. Везде им были рады, и все священники передавали наказ Патриарху, чтобы, хоть изредка, к ним приходили посланцы от него для толкования Евангелия: большинство священников были малограмотны.

До небольшого монастыря, где в скромных палатах проживал Патриарх, добрались в середине лета. Патриарх и монастырские насельники встретили ласково:

– Дошёл и до нас слух о вашем подвижническом служении Господу.

Когда они рассказали о душевной заботе священников, а иеромонах попросил благословения ходить по Руси с разъяснением Слова Божьего, Патриарх задумался, а потом сказал, что сперва надо собрать и подготовить группу добровольцев из самых грамотных священнослужителей, и он сам пусть тоже пройдёт такое обучение.

– А, пока, отцы, наберитесь сил после долгого пути. Вас же, отец протоиерей, мы никуда не отпустим. Будете служить Богу здесь.

Через месяц иеромонах и несколько монахов-добровольцев, получив благословение Патриарха, сердечно простились с насельниками монастыря, и ушли в разные стороны родной земли нести людям правду Христову.

* * *

* * *

Глава восьмая

Телевидение являло собой идеальный образец культуры. Информация им подавалась ответственно, спокойно, доброжелательно, деловито, когда нужно – с пафосом или иронией.

Транслировалось множество познавательных и образовательных передач – тяга к знаниям стала для людей естественной потребностью. Почти не было передач развлекательных, так как считалось, что развлекаться человек должен уметь сам в кругу других людей. Много было программ для детей разного возраста – интересных, весёлых, добрых.

Телеведущие воплощали собой культуру поведения. Держались они с изысканной простотой и скромностью, с тонким чувством меры, речь их была идеальна – литературная, образная, произношение и дикция образцовыми.

У каждого ребенка была своя комната. Обстановка в ней простая, строгая, чуть ли не аскетическая: кровать, письменный стол с кибером «Школьник», книжная полка, небольшой платяной шкаф, отделенные раздвижной стенкой тренажеры и экран во всю стену. Просмотр фильмов являлся важной частью школьного обучения, дополнением к урокам. Если на уроке географии учитель рассказывал об Австралии, то вечером ребёнок просматривал фильм про этот континент – о его флоре и фауне, о населяющих народах, их истории, быте, нравах. Все очень интересно, подробно и воочию. Усевшись на велотренажёр, ребёнок как бы ехал, обозревая всё вокруг. Продолжением урока химии были показы опытов в институтах и процессов получения веществ на заводах. Короткие, не более тридцати минут, фильмы по каждому предмету, по каждой теме. Им придавалось большое значение. Как говорится, «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Существовала специальная киностудия «Школьник», где трудились педагоги и учёные с именем. Особенно сложной была работа по съёмкам фильмов, касающихся истории народов. Максимальная достоверность – пейзажей, построек, быта и нравов, одежды, языка, научно выверенное соответствие историческим фактам, правда о событиях прошлого без сокрытия и выпячивания, такая, какая есть – были обязательными требованиями к ним. Прежде чем выпустить в прокат школьной программы, эти фильмы принимал учёный совет. Все его замечания после дискуссии либо отклонялись, либо принимались к исправлению.

Следуя программе обучения, Иван просматривал школьные фильмы. Удивляло, как в них всё изложено просто, доходчиво, и легко запоминается. Катя присоединялась к нему. Особенно их заинтересовали фильмы по истории народов. День за днём они просматривали фильмы по истории русского народа, начиная с древнейших времён, и дошли до «перестройки и реформ» конца двадцатого – первой половины двадцать первого веков, приведших страну и её народы к катастрофе.

Первый фильм. Хроника

За соединёнными в виде буквы П столами, сидят люди со значками на груди в виде изображения изогнутой ветви берёзы и букв ССН – Союз Спасения Народа. Вместе с людьми мирскими сидят и священнослужители. За соединяющим столом – руководители различных партий. Встаёт сидящий в центре этого стола председательствующий – руководитель ССН, стройный молодой человек среднего роста.

– Мы собрались, чтобы выработать порядок и способы совместных действий. Все ли готовы к этому?

Молодой человек в сутане, поднявшись, произносит спокойно и чётко:

– Ни на какие совместные действия с коммунистами мы не пойдём. Мы не можем вступать в сговор с партией предавшей мученической смерти множество православных людей и разрушившей наши храмы.

Сидящий за столом напротив юноша, вскакивает и, горячась, отвечает:

– То, что сказано – это правда, и от неё никуда не уйти. Но разве не правда и то, что, хотя и ненадолго, в СССР было построено социально справедливое общество и его достижения уже сейчас воспринимаются как легендарные? Виднейшие учёные признают советский период вершиной российской истории!

– Позвольте ответить мне, – обращается к председательствующему седая женщина.

– Нет! – опять поднимается председательствующий. – Мы собрались не дискутировать. Ваш затянувшийся бесполезный спор закончен, спорить больше не о чем. У нас скоро не будет не только храмов, но и самой страны. Согласно договору между Абсолютом и Великим Востоком, через шесть месяцев граница по Уральскому Хребту закроется. Наша страна и наши народы окажутся надолго, если не навсегда, разорванными. Что ожидает людей в Мире Абсолюта уже ясно: недра нашей земли присвоены, земли наши проданы, сельскому населению оставлены лишь небольшие участки под огороды, да и, возможно, будут отняты и они. Новая власть и памяти не оставит о нас – ни о православных, ни об атеистах, ни о справедливом обществе.

Помолчав, продолжает:

– Союз Спасения Народа совместно с КПРФ обратился к Китаю с просьбой о создании на территории Сибири республики Россия Сибирская в составе коалиции Великий Восток и к США о разрешении российским народам переселиться из Европейской части в Сибирь. Получены положительные ответы. Между Китаем и США достигнута договоренность о беспрепятственном перемещении народов с запада на восток и с востока на запад в течение трёх месяцев перед закрытием границы. Наша задача объяснить людям, что их ждёт в Абсолюте. Что ждёт в Великом Востоке, мы пока не знаем, но Китай даёт гарантии на создание Сибирской республики. Наша задача, не пропустив ни одного населенного пункта, ни одной деревни, убедить людей покинуть родные места. Разъяснительные материалы подготовлены.

Следуют кадры, на которых молодые люди со значками ССН на груди идут по деревням. Во всём разуверившиеся люди встречают их настороженно, недоверчиво.

На подходе к небольшой деревеньке, скользя по раскисшему проселку, бредёт усталый руководитель ССН. Проходит мимо нескольких домов, открывает покосившуюся калитку, по тропинке входит в дом – старый, невысокий, в пять небольших окон – таких немало по России. За столом стряпает мать. Бросается к сыну, стараясь не испачкать руками в муке, обнимает, целует. Маленький племянник соскакивает с дивана, обнимает его за ноги. Широко распахнув дверь, быстро входит брат:

– Мне соседи шумнули, что ты приехал! Соскучился, небось, в своей Москве? Ну, обрадовал! С ума сойти – сколько не виделись....

– Некогда было....

Крепко обнимаются.

– Институт закончил, а всё учишься.... Надолго ли к нам?

– Завтра уеду.

Глядя как-то заискивающе, брат спрашивает:

– Я твою землю, как ты велел, на себя переписал. Ты не передумал?

– Нет.

– С твоим да маминым огородом ещё жить можно. А так – хана... Корову и ту выпести негде – всё продано, всё чужое! Бурьяном зарастает, а тронуть не смей. Веришь, недавно мужики по грибы пошли – грибов нынче полно, – а на них с ружьём: частное владение! Вот, ядрен корень, жизнь пошла: пусть лучше сгниют..., – плюнул с досады. – Старый забор заменить и то нет возможности...

Помявшись, брат просит:

– Если ты точно не передумал, отдаёшь мне свою землю, то уж сходил бы в администрацию – подтвердил.

– Я же прислал юридически оформленную дарственную.

– Сам знаешь – начальство.... Найдут, к чему придраться. С начальством никогда ни в чём уверенным быть нельзя....

«Брат мой, русский человек, бесстрашно пойдёшь ты под пули на вооруженного врага. Вооруженный враг тебе не страшен, а начальника боишься. Да ведь от него в быту многое зависит, а управы на него не найти. Никогда на Руси не было управы на чиновников – ни при хвалёной вашей монархии, ни при вашей демократии,» – молодой человек мысленно продолжил спор с монархистами и демократами. Но взглядевшись в просящие глаза брата, жёстко, с горечью подумал: «Мы сами позволяем быть чиновникам такими: слишком робки, стеснительны, да и не дружны, когда нужно отстаивать своё, личное. С нами делают то, что мы позволяем делать с собой. Что происходит с нами? Ослабла воля к жизни? Или, на время, таков Промысл Божий?»

Пришла жена брата, перебивавшая в сарае картошку, обрадовалась гостю, предложила:

– Картошка нынче уродилась. Возьмёшь с собой? Я наберу покрупней.

Мать напекла румяных пирогов. Брат сбегал куда-то, раздобыл самогона:

– Нынче не знаешь, что и ядовитей: то водкой травятся, то от пива пухнут. Эта самогонка, вроде, неплохая, мужики не жалуются.

Когда выпили, закусили, юноша, серьезно глядя на них, обращается к матери и брату:

– Я вот зачем приехал: уговорить вас ехать всем вместе за Урал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.